

eISSN 2311-2468
Том 12, № 4. 2024
Vol.12, no. 4. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

АРСЛАНОВ С. Р.
ЮЖНЫЙ ТИРОЛЬ КАК ОСОБАЯ
ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЕДИНИЦА ИТАЛИИ

Аннотация. В статье исследуется ретроспектива становления Южного Тироля как особой политико-административной единицы Италии. Разработана периодизация приобретения Южным Тиролем статуса особой политико-административной единицы Италии. Выявлены основные исторические детерминанты возникновения, а также центральные ценно-смысловые постулаты и законодательные положения разрешения южнотирольского конфликта.

Ключевые слова: Южный Тироль, Италия, Австрия, южнотирольский конфликт, политико-административная единица.

ARSLANOV S. R.
SOUTH TYROL AS A SPECIAL
POLITICAL AND ADMINISTRATIVE UNIT OF ITALY

Abstract. The article examines in retrospective the formation of South Tyrol as a special political and administrative unit of Italy. The periodization of South Tyrol's acquisition of the status of a special political and administrative unit of Italy has been carried out. The main historical determinants of the emergence, the central value-semantic postulates and legislative provisions for resolving the South Tyrol conflict are identified.

Keywords: South Tyrol, Italy, Austria, South Tyrol conflict, political and administrative unit.

Унитарное государство формально представляет собой единое образование, подразделяющееся на политико-административные единицы, которые в свою очередь не обладают политической самостоятельностью. Тем не менее, в составе многих унитарных государств присутствуют автономии – политические субъекты, обладающие самостоятельностью или имеющие особые привилегии, в отличие от остальных политико-территориальных единиц. Зачастую автономии стремятся достичь полной независимости, причем данные тенденции сохраняются и в настоящее время: Шотландия в составе Великобритании, Каталония в составе Испании, и др. Причины, приводящие к возникновению автономии и, как следствие, сепаратизму в унитарном государстве, имеют этническую и лингвистическую природу. Так, этнос может как исторически проживать на территории другого государства, так и быть присоединенным другим государством в ходе военного конфликта или вследствие дипломатических соглашений, становясь этническим

меньшинством. Инициатива государства в таком случае должна быть направлена на устранение возможных противоречий путем предоставления этническому меньшинству статуса автономии – прежде всего, это политическая и культурная самостоятельность.

Италия, де-юре являясь унитарным государством, имеет в своем составе пять регионов, наделенных особыми полномочиями: Валле-д'Аоста, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже и Фриули-Венеция-Джулия. Особый интерес представляет автономная область Трентино-Альто-Адидже, включающая в себя автономную провинцию Больцано – Южный Тироль, которая в свою очередь обладает большими, нежели область, политическими и экономическими полномочиями. Кроме того, титульная этногруппа Южного Тироля – преимущественно немецкоязычные южные тирольцы (более 60 %). Другие значимые этногруппы – италияязычные и ладины [5]. Этнические немцы, составляющие большинство населения Южного Тироля, который территориально принадлежал Австрии (а позднее – Австро-Венгрии) с XV века, после окончания Первой мировой войны и пересмотра границ оказались этническим меньшинством в составе Италии [7]. Данное событие знаменует собой появление сепаратистских настроений в Южном Тироле, сохраняющихся и в настоящее время.

Ценностно-смысловым ядром исследования, таким образом, выступает анализ этнополитического конфликта и, как следствие, связанного с ним сепаратизма в Южном Тироле, а также возможностей их эффективного разрешения. В качестве почти эталонного образца достижения политического консенсуса в подобном конфликте, имеющем глубокую историческую этнолингвистическую природу, в историографических исследованиях принято считать Южный Тироль [2; 9]. Специфика Южного Тироля как политико-территориальной единицы Италии была рассмотрена такими отечественными исследователями, как Г. Н. Андреева [1], А. З. Богатырев [2], М. Ю. Сорвина [3; 4], К. А. Сулимов [5], В. Я. Швейцер [6], М. М. Шумилов [7]. При этом среди зарубежных исследователей стоит выделить Г. Паллавера [8], и К. Ператонера [9].

Для понимания детерминант южнотирольского конфликта целесообразно обратиться к ретроспективе его возникновения: предпосылкам, способствовавшим его развитию и дальнейшему разрешению, и, в конечном итоге, обретению Южным Тиролем статуса особой политико-административной единицы Италии. Политико-исторический анализ требует освещения и выделения нескольких ключевых этапов:

- 1) 1919–1946 гг.: возникновение и становление южнотирольского конфликта.

В 1919 году в соответствии с условиями Сен-Жерменского договора Южный Тироль вошел в состав Италии, несмотря на протесты местного населения, состоящего из 230 тысяч человек [7]. Именно с этого периода, как отмечается, берут свое начало истоки

южнотирольского сепаратизма [2]. С приходом к власти Б. Муссолини и установлением фашистского режима в Италии в 1922 г. в Южном Тироле начинается итальянизация нового региона: официально был запрещен немецкий язык; закрывались немецкие школы; часть южнотирольцев была депортирована в Австрию; в Южный Тироль стали активно переселять итальянских переселенцев. Итальянизация продолжалась до 1944 года [6].

Таким образом, насильственная ассимиляция Италией Южного Тироля привела к притеснению титульной нации нового региона, выражавшемуся преимущественно в запрете немецкого языка, поскольку с запретом последнего следует также отмена истории и культуры проживающего этноса. Нельзя не отметить и искусственное заселение Южного Тироля италоязычным населением. Все эти факторы закономерно способствовали оформлению этнополитического конфликта, выражавшегося в сепаратистских настроениях и имеющего долгосрочные перспективы.

2) 1946–1972 гг.: развитие конфликта и первые попытки его урегулирования.

Окончание Второй Мировой войны знаменовало собой новую веху в южнотирольском вопросе: в 1946 году Австрия и Италия заключают так называемое Парижское соглашение («соглашение Груббера – де Гаспери»), гарантировавшее немецкоязычному населению Южного Тироля право на «сохранение культурной идентичности и обычаев» [1]. Южному Тиролю была предоставлена автономия с особыми условиями, которая была юридически закреплена в Конституции Италии 1947 года и получила новое название – автономная провинция Трентино-Альто-Адидже.

Однако, несмотря на формирование основ для административно-территориального устройства Южного Тироля, итальянизация продолжилась: в 1948 году к Южному Тиролю была присоединена провинция Тренто, вследствие чего немецкоязычное население региона оказалось в меньшинстве и, вопреки предоставленным правам, осталось без внимания со стороны итальянских властей. Это спровоцировало недовольство со стороны южнотирольцев, требовавших освобождения региона, что вылилось в серию террористических актов 1950–1960-х годов. Наиболее известным из них стал теракт 12 июля 1961 года, более известный как «Огненная ночь», когда было нарушено электроснабжение вследствие серии взрывов [2]. Действия сепаратистов привлекли внимание со стороны Австрии и ООН, благодаря чему начался диалог между итальянским и австрийским правительствами, закончившийся расширением прав южнотирольцев на уровне местного самоуправления в 1962 году, повышением статуса немецкого языка в 1969 году и принятием в январе 1972 года статута автономной области Трентино-Альто-Адидже в составе автономных провинций Тренто и Больцано (Южный Тироль), которым предоставлялись «особые формы и условия автономии» [1; 7].

Таким образом, первые попытки юридического урегулирования южнотирольского конфликта в послевоенное время не имели ничего реального эффекта и потому привели к радикальным действиям со стороны недовольного населения. Южный Тироль смог привлечь к себе внимание мировой общественности, не без помощи которой сумел добиться существенного расширения прав и полномочий, главным из которых на данном этапе являлось предоставление статуса автономии.

3) 1972–1992 гг.: постепенное разрешение конфликта.

С момента принятия статута 1972 года, который является одним из основных документов, образующих правовые основы автономии, законодательством Южного Тироля установлено несколько стратегических положений, призванных гарантировать прежде всего политическую автономию и интересы немецкоязычного населения региона [1]:

1) поддержка культурных и языковых прав, равенство немецкого и итальянского языков («языковой паритет»), а также территориальная автономия региона (Парижское соглашение 1946 года);

2) обязательство уважительного отношения к языковым меньшинствам и защита их интересов посредством таких мер, как финансирование образовательных учреждений, в которых осуществляется обучение языкам меньшинств, и т.п.;

3) охрана местных этнических и языковых меньшинств, включая меры, обеспечивающие стимулирование культурного, экономического и социального развития региона и адресную поддержку немецкоязычного населения;

4) функционирование двух парламентов, один из которых состоит из коренного населения Южного Тироля (Ландтаг);

5) право законодательной инициативы и деятельности в соответствии с принципами, изложенными в законах государства.

Обновленная система власти, таким образом, отличалась значительной политической автономией для Южного Тироля. Однако, как и на предыдущих этапах, немецкоязычное население в общественно-политической жизни продолжало оставаться в меньшинстве: так, в 1975 году представители немецкоязычного населения Южного Тироля занимали лишь 14 % из 6000 должностей в муниципальных учреждениях, а языковой паритет в государственных структурах был достигнут лишь в 1989 году [7]. Тем не менее, южнотирольский вопрос на указанном этапе явно обрел тенденцию к разрешению.

4) 1992–2008 гг.: официальное завершение конфликта и придание ему латентного характера.

В 1992 году Австрия заявила о прекращении противоречий с Италией по вопросу Южного Тироля [2]. Конфликт, таким образом, был официально разрешен, однако фактически продолжил свое существование в латентной форме и в последующие годы.

Существенный вклад в развитие южнотирольской автономии внесла конституционная реформа 2001 года, которая определила компетенции Итальянской республики и ее политико-административных единиц, а также закрепила принцип автономии, причем защита этнического меньшинства автономии вошла в число национальных интересов Италии. Кроме того, реформа расширила полномочия Южного Тироля путем реализации принципа «динамичной автономии» [1]. В 2006 году в преамбулу Конституции Австрии было добавлено положение об особой роли Австрии, которая официально признавалась гарантом и защитником Южного Тироля.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовал собой официальное урегулирование южнотирольского конфликта, который, впрочем, обрел латентную форму, сведя к минимуму риски сепаратистских волнений. Важную роль в этом сыграла сама Италия, которая разрешила противоречия с австрийской стороной и провела конституционную реформу, закрепившую и повысившую уровень южнотирольской автономии.

5) 2008 г. – настоящее время: южнотирольский вопрос на современном этапе.

В 2008 году победа правоцентристской коалиции на парламентских выборах в Италии спровоцировала внутривластную борьбу в Южном Тироле между относительно умеренными автономистами в лице ведущей партии Южного Тироля – Народной партии (НПЮТ) – и радикальными сепаратистами из партии Южнотирольской свободы (ЮТС) [7]. Встал вопрос о самоопределении Южного Тироля: представители НПЮТ не требовали выхода области из состава Италии, в то время как ЮТС стояла на позиции воссоединения с Австрией путем проведения референдума.

В 2010-х годах начался новый виток сепаратистских настроений в Южном Тироле, в том числе, не без помощи Австрии: в 2012 году профессором Петером Пернталером был создан проект конституции «Свободного государства “Южный Тироль”» [4]. Проект, как отмечает М. Ю. Сорвина, привел к «политическому пробуждению региона» [3]. Осенью 2013 года ЮТС предприняла попытку проведения плебисцита по вопросу самоопределения южнотирольцев, который был отклонен. Несмотря на это, на неофициально проведенном референдуме 54 % опрошенных высказались за независимость от Итальянской республики [2]. Однако, на наш взгляд, данный результат не отражает реальной политической обстановки в регионе ввиду нелегитимности и нерепрезентативности самого референдума.

Позиции НПЮТ ослабли за счет очередного миграционного кризиса 2015 года, заключавшегося в попытке итальянских властей разместить в Южном Тироле мигрантов из

Азии и Африки. Это позволило радикалам заявить об очередной попытке италиянизации региона [7].

Актуальной в настоящее время является инициатива предоставления населению Южного Тироля двойного гражданства – Италии и Австрии. В 2017 году в правительственной программе Австрии была отмечена возможность получения южнотироляцами двойного гражданства в рамках евроинтеграции. Предполагалось, что к 2020 году будут выработаны механизмы получения австрийского паспорта. Кроме того, спортсменам из Южного Тироля предоставлялась возможность представлять сборную Австрии. Инициатива, однако, встретила критику со стороны итальянских властей и не была реализована.

Тем не менее, тенденция к снижению напряженности в регионе продолжается: 1 января 2020 года был сформирован совместный кабинет министров Австрии, в правительственной программе которого отмечалось развитие автономии Южного Тироля посредством тесного взаимодействия Австрийской и Итальянской республик, что было встречено поддержкой политических сил Южного Тироля [7].

Таким образом, вопреки событиям конца 2000-х – начала 2010-х годов, серьезно повлиявшим на политическую обстановку в Южном Тироле, сегодня ситуация в автономной области характеризуется как относительно благополучная, несмотря на сохранение объективных предпосылок к активизации и интенсификации конфликта: относительной нестабильности внутривнутриполитической ситуации, лоббирования идеологии «правых партий», ослабления евроатлантической солидарности и т.п. Однако обозначенные факторы не отменяют успешности разработанной модели урегулирования противоречий в Южном Тироле, основанной на разделении этноязыковых групп и взаимодействии этнических меньшинств региона с итальянскими властями. Важно отметить и роль Австрии в разрешении южнотирольского конфликта: начиная с 2017 года, республика в рамках общеевропейской интеграции активно вовлечена в дальнейшее развитие Южного Тироля.

Следовательно, в настоящее время Южный Тироль можно назвать одним из самых успешных и эффективных образцов решения этнополитического конфликта посредством предоставления территориальной автономии с широким перечнем полномочий. Между автономией, состоящей из трех основных этнических и языковых групп, и Итальянской республикой выстроена комплексная система сдержек, противовесов и преференций. Особенность и базис данной системы – разделение населения Южного Тироля на основе самоидентификации в ходе регулярных переписей населения на этноязыковые сообщества, прежде всего, итало- и немецкоязычное. Это разделение, как отмечается, является

основанием для системы квот на публичной службе, отдельных систем школьного обучения, принятия некоторых решений в парламенте провинции и прочего [1; 2].

Модель регулирования южнотирольского конфликта представляет большой интерес. Однако необходимо понимать, что прямое проецирование и транслирование принципов этой модели на сценарии других межэтнических конфликтов, разворачиваемых сегодня в мире – например, на Ближнем Востоке – является некорректным. Несмотря на общие признаки, простое калькирование модели в целях разрешения трудноразрешимых противоречий не представляется возможным ввиду того, что культурно-исторические особенности региона, благодаря которым и закладывается почва для потенциального этнополитического конфликта, не будут учтены. В самом Южном Тироле, вопреки существенному прогрессу в контексте нивелирования конфликта, сохранился ряд нерешенных вопросов, которые в условиях политической нестабильности способны привести к новому всплеску сепаратизма и национализма. Поэтому, определяя основные детерминанты сохранения стабильности в Южном Тироле, следует опираться как на конституционно-правовые основы автономии, так и на динамику развития взаимоотношений в южнотирольском обществе в среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. Н. Конституционно-правовые основы автономии Южного Тироля (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 2017. – № 4. – С. 56–64.
2. Богатырев А. З., Даова М. Х. Южнотирольская модель автономии как паттерн урегулирования конфликтов этнических меньшинств // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12. – С. 156–159.
3. Сорвина М. Ю. Политические силы Южного Тироля и его автономия // Сепаратизм в политической жизни современной Европы / под ред. П. Е. Канделя. – М.: Институт Европы РАН, 2015. – С. 59–68.
4. Сорвина М. Ю. Современная мирная инициатива по урегулированию межэтнической проблемы Южного Тироля // Проблемы толерантности: история и современность. Материалы международной научной конференции, г. Череповец 16–18 апреля 2015 г. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2015. – С. 83–85.
5. Сулимов К. А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль) [Электронный ресурс] // Проект Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в

- межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств». – Режим доступа: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
6. Швейцер В. Я. Южный Тироль: тлеющий очаг сепаратизма в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 2. – С. 43–46.
7. Шумилов М. М., Шмидт О. И. Южнотирольский вопрос как фактор межгосударственных отношений Италии и Австрии // Управленческое консультирование. – 2020. – № 6. – С. 64–81.
8. Pallaver G. South Tyrol's changing political system: from dissociative on the road to associative conflict resolution // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2014. – Vol. 42. – Is. 3. – P. 376–398.
9. Perathoner Ch. Die Südtirol-Autonomie als internationales Referenzmodell? Die internationale Absicherung und die Verallgemeinerungsfähigkeit der Südtiroler Errungenschaften // Europa ethnica. Zeitschrift für Minderheitenfragen. – 2015. – N. 3–4. – S. 94–109.

КУЗНЕЦОВ Я. П.
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ: КЕЙС ШВЕЙЦАРИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования швейцарской политической нации. С помощью конструктивистского подхода автором определены основные политические и культурные элементы швейцарской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, многосоставное общество, конструктивизм, политическая нация, конституционный патриотизм, Швейцария.

KUZNETSOV YA. P.
NATIONAL IDENTITY IN A PLURAL SOCIETY:
THE CASE OF SWITZERLAND

Abstract. The article examines the process of formation of the Swiss political nation. Using a constructivist method, the author identifies the main political and cultural elements of Swiss national identity.

Keywords: national identity, plural society, constructivism, political nation, constitutional patriotism, Switzerland.

Нация как форма общественной организации индивидов является предметом многочисленных дискуссий в политической науке. Актуальность этой темой объясняется влиянием данного феномена как на общество, так и на власть в практически любом современном государстве. В первом случае речь идёт о национальной идентичности, которая восполняет потребность человека в самоидентификации и принадлежности и причастности к определённой группе. В свою очередь государство может использовать чувство национальной принадлежности как источник своей легитимности и инструмент мобилизации общества. Особый интерес представляет значение национальной идентичности в многосоставных обществах, чётко разделённых по социальным, идеологическим, религиозным, культурным, языковым и иным критериям. Одним из таких обществ является Швейцария, которая, несмотря на свою многоплановую гетерогенность, отличается высокой степенью политической стабильности и национального единства.

В рамках исследования феномена нации существуют два основных подхода к данному понятию, которые напрямую проистекают из гражданской и этнической трактовки национализма. В первом случае под нацией понимается определённая политическая корпорация, объединённая общим гражданством, а во втором – исторически сложившаяся этническая общность со своими языком, культурой и традициями [1, с. 240-241]. Модель

национальной идентичности, предполагающая высокую степень этнической, культурной, языковой и религиозной гомогенности, вполне закономерно не применима к швейцарцам, которые издавна разделены по принципу религии на католиков и протестантов, а по признаку языка – на немецкоязычную, франкоязычную, италияязычную и романшскую группы.

При характеристике швейцарской нации уместнее использовать гражданскую трактовку нации как политического объединения граждан. Наиболее типичным примером гражданской нации принято считать французскую нацию, сформировавшуюся в результате Великой французской революции. Как отмечал Ю. Хабермас, национальная идентичность была обретена французами не из-за этнокультурных свойств, но за счёт республиканской компоненты, выраженной в активном политическом участии всех жителей страны в качестве её граждан [4, с. 214]. Эта концепция нации как единой политической общности была принесена в Швейцарию во время вторжения войск Наполеона Бонапарта в 1798 году, в результате чего на месте Швейцарской Конфедерации по лекалам революционной Франции была образована унитарная Гельветическая республика. Однако после 1815 года в Швейцария была реставрирована конфедерация, что было обусловлено не только стремлением европейских держав восстановить дореволюционный порядок после победы над Наполеоном, но и несовместимостью французской модели нациестроительства и особенностей швейцарского общества.

Модель гражданской нации предполагает консолидацию региональных общностей, которые ассоциируют себя в большой степени с родной общиной, провинцией или областью, в единую общность в масштабе всей страны путём унификации системы образования, введения единой системы памятных дат и распространения национальной культуры [2, с. 142]. За основу последней, с точки зрения конструктивистского подхода, берётся культура политической элиты, которая за счёт своего влияния может распространить эту культуру на территорию всей страны. В случае Франции речь идёт о культуре региона Иль-де-Франс и соседних областей, которая впоследствии была распространена на другие самобытные регионы, такие как Бретань, Гасконь, Окситания и др. Распространение единой культуры необходимо для формирования чувства принадлежности всех граждан к своей стране как отечеству и родине, что является ключевым фактором для обретения национальной идентичности.

Но способ выстраивания национальной идентичности за счёт распространения определённой культуры в масштабах всей страны оказался неприменим по отношению к швейцарцам по двум основным причинам. Во-первых, ввиду исторически сложившегося конфедеративного устройства Швейцарского союза отсутствовал политический центр, который мог осуществить унификацию национальной культуры. Во-вторых, в Швейцарии

отсутствовала относительно гомогенная и доминирующая в политическом отношении группа, чья культура могла бы стать основой культуры национальной. Немецкоязычное большинство Швейцарии не являлось гомогенным и долгое время оставалось разделённым по признаку религии. Следовательно, проект формирования гражданской нации в рамках централизованного унитарного государства не мог быть реализован в децентрализованной и гетерогенной Швейцарии.

С другой стороны, в период Гельветической республики были созданы следующие предпосылки для формирования швейцарской национальной идентичности [11, р. 131]:

1) впервые в истории Швейцарии было создано единое политико-правовое пространство, в рамках которого и стало возможным дальнейшее формирование политической нации;

2) простимулированная внешними конфликтами (Наполеоновскими войнами) консолидация регионов Швейцарии за счёт укоренившихся социально-экономических связей и общей истории;

3) политизация и мобилизация населения, которые способствовали обретению швейцарцами гражданской идентичности.

Своего рода парадокс заключается в том, что формированию швейцарской национальной идентичности, в том числе, способствовало сопротивление отдельных кантонов (преимущественно католических и франкоязычных) политике централизации и унификации, которая имела место быть как во время существования Гельветической республики, так и на более поздних этапах, когда Швейцария стала государством в современном нам понимании [11, р. 145]. Именно выстраивание горизонтальных связей между жителями «протестных» кантонов привело к возникновению чувства сопричастности к политике своего региона, что впоследствии эволюционировало в гражданскую идентичность всех швейцарцев.

Тема построения гражданской идентичности в Швейцарии актуализировалась после её преобразования в федеративное государство в 1848 году, что стало результатом компромисса между консерваторами, отстаивавшими автономию кантонов, и преобладающими в большинстве региональных правительств радикалами, стремившимися создать сильное центральное правительство [10, р. 60]. В условиях отсутствия доминирующих этноса, культуры, языка и религии, которые могли бы стать основой для выстраивания национальной идентичности, политической и интеллектуальной элите пришлось искать иные компоненты, способные вызвать чувство сопричастности у жителей всех швейцарских кантонов. Так, швейцарский писатель Г. Келлер вывел в качестве общенациональных ценностей швейцарцев любовь к свободе и привязку к определённой территории (Альпийским горам), которые имели куда большее значение национальной значении, нежели наличие общего языка и

происхождения [9, р. 93]. В связи с этим основы швейцарской национальной идентичности следует искать в таких политических ценностях, как нейтралитет, федерализм и прямая демократия, которые в равной степени разделяются всеми гражданами независимо от их классовой, религиозной или языковой принадлежности.

При этом политические ценности должны иметь конкретные формы проявления, чтобы считаться элементом национальной идентичности. Конструктивистский подход предполагает наличие комплексной системы политических и социальных взаимодействий граждан, основанных не только на вышеупомянутых общих ценностях, но и на чувстве общей идентичности [8, р. 5-6]. Культивирование совокупности таких взаимоотношений исследователи-конструктивисты относят к прерогативе национального государства. Речь идёт не только о конституции и символах, но и о целенаправленном формировании национального самосознания как формы самоидентификации всех граждан. Как выразился В. А. Тишков, этот процесс представляет «своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству» [3, с. 51]. В случае швейцарской нации эту метафору можно воспринимать буквально ввиду повсеместно распространённого института прямой демократии в виде референдумов. Конституция Швейцарии предусматривает не только обязательные референдумы по вопросам конституционных поправок и изменения международного статуса, но и референдумы факультативные, которые могут быть инициированы непосредственно гражданами (от 50 тыс. человек) или представителями хотя бы 8 кантонов [10, р. 121]. Таким образом, прямая демократия как элемент швейцарской политической культуры не только выделяет швейцарцев на фоне соседей, но и позволяет им на регулярной основе участвовать в принятии решений на региональном и федеральном уровнях, что поддерживает чувство сопричастности и гражданский активизм.

Однако неверно было бы утверждать, что модель швейцарской нации основана только на политических компонентах и не имеет под собой общекультурной базы. Сугубо акультурная модель национальной идентичности едва ли осуществима на практике и возможна только в виде идеальной концепции [1, с. 250-251]. Культивирование общей истории и символики также является одним из способов конструирования национальной идентичности. В рамках формирования национальной истории определяются, в том числе, и дата «рождения» государства и нации. Для Швейцарии такой датой считается 1291 год, когда представители трёх альпийских общин заключили союз о взаимопомощи [10, р. 29]. И несмотря на то, что и швейцарское государство, и швейцарская нация как политическая общность появились значительно позже, само историческое событие стало памятной датой с 1891 года и дополнило швейцарскую национальную идентичность.

Немаловажную роль в конструировании национальной идентичности играет и персонификация истории. Такая фигура швейцарского фольклора как Вильгельм Телль выполняет функцию трансляции конкретных национальных ценностей Швейцарии, среди которых чётко прослеживается идея народного суверенитета [6, р. 15]. Подлинность таких легендарных личностей не имеет значения, поскольку они выполняют роль национальных символов, призванных вызвать чувство сопричастности у всех граждан многосоставного швейцарского общества.

Что касается географии, то Альпийские горы, в которых располагается швейцарское государство, также можно интерпретировать как элемент национальности. Альпы как обособленная территория выполняет роль области для проецирования мифов, воспоминаний и добродетелей [7, s. 486]. Образ обособленного горного народа пастухов и фермеров призван подчеркнуть самобытность швейцарцев относительно соседей и, таким образом, укрепить чувство национальной идентичности.

Перечисленные выше политические и культурные особенности привели к образованию швейцарской политической нации, отличительной чертой которой на современном этапе является «конституционный патриотизм». Этот термин, введённый Ю. Хабермасом, служит для обозначения нации как сообщества, члены которого разделяют общие политические ценности и осознанно принимают участие в политическом процессе. Понятие национальной идентичности в таком контексте не только включает в себя универсальные принципы конституционализма и республиканизма, но и учитывает особенности национальной истории [5, р. 408]. Конституционный патриотизм Швейцарии стал возможен благодаря консенсусу между основными социально-политическими группами (языковыми, классовыми, религиозными), вовлечению граждан в политический процесс и целенаправленному культивированию конкретных политических ценностей, в равной степени разделяемых всеми швейцарцами.

Подводя итог, можно заключить, что процесс конструирования национальной идентичности Швейцарии сопровождался поиском и имплементацией таких форм и символов, с которыми себя мог ассоциировать любой швейцарец, независимо от своей классовой, религиозной, языковой или политической принадлежности. Многоплановая гетерогенность швейцарского общества стимулировала формирование не этнической, но гражданской нации, объединённой общими политическими ценностями. Наряду с чисто политическими компонентами швейцарскую идентичность определяют общая история и особенности территории, которые выделяют Швейцарию на фоне соседних государств. Наличие выраженной национальной идентичности поддерживается политическими институтами и не вступает в противоречие с идентичностями региональными, что является одним из факторов

политической стабильности Швейцарии как на протяжении последних столетий, так и на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
2. Сургуладзе В. Ш. Классовый аспект национального самосознания. От аббата Сийеса до Иосифа Сталина // Свободная мысль. – 2015. – № 5(1653). – С. 139–150.
3. Тишков В. А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 2(108). – С. 42–62.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Академия, 1995. – 260 с.
5. Habermas J. The European Nation-State: On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship // Public Culture. – 1998. – No. 10(2). – P. 397–416.
6. Henzi S. Grisler ou l'ambition punie. Grisler oder der bestrafte Ehrgeiz. – Edition bilingue. – Basel: Theaterkultur Verlag, 1996. – 201 p.
7. Kaufmann E., Zimmer O. In search of the authentic nation: landscape and national identity in Canada and Switzerland // Nations and Nationalism. – 1998. – No. 4(4). – P. 483–510.
8. Keating M. Nations Against the State: The New Politics of Nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland. – London: Palgrave Macmillan, 2001 – 342 p.
9. Kohn H. Nationalism and Liberty: the Swiss Example. – London: Allen and Unwin, 1956. – 133 p.
10. Linder W., Mueller S. Swiss Democracy: Possible Solutions to Conflict in Multicultural Societies. – 4th ed. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 295 p.
11. Tanner A., Altermatt U., Bosshart-Pflugger C. Die Konstruktion einer Nation. Nation und Nationalisierung in der Schweiz 18.–20. Jahrhundert. – Zurich: Chronos, 1998. – 295 s.

МАКАРОВ М. Р.

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции и перспективы экономической и международной интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза. Рассматриваются как достигнутые результаты сотрудничества, так и будущие интеграционные проекты.

Ключевые слова: интеграционные объединения, экономическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, строительство инфраструктуры, международная торговля.

MAKAROV M. R.

EURASIAN ECONOMIC UNION: WAYS AND PROSPECTS OF COOPERATION

Abstract. The article analyzes the main trends and prospects of economic and international integration of countries within the framework of the Eurasian Economic Union. The results of cooperation and prospective projects of integration are considered.

Keywords: integration associations, economic cooperation, Eurasian Economic Union, infrastructure construction, international trade.

В мировой экономике на современном этапе развития международных отношений отчётливо наблюдается усиление тенденций как регионализации, так и глобализации. В результате чего в рамках экономического развития отдельных государств приобретает всё большее значение их международная интеграция в региональные объединения и союзы. Одним из влиятельных и значимых интеграционных объединений как в Евразии, так и на постсоветском пространстве, безусловно, является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Он представляет собой союз, который был создан с целью обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. На данный момент в состав союза входят пять государств – Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия, а также государства-наблюдатели в лице Молдавии, Узбекистана и Кубы [1].

Тенденции и перспективы развития союза на этапе его зарождения в своих работах рассматривали И. А. Рождественская и Е. И. Москвитина [5]. Возможные риски интеграции и проблемы экономического взаимодействия между странами участницами изучал

Н. С. Зиядуллаев [2]. Тенденции и перспективы экономического развития на современном этапе анализировал Б. О. Кусаинов [3].

С момента своего создания в 2015 году и до сегодняшнего дня ЕАЭС позиционировал себя исключительно как экономический интеграционный проект, призванный в первую очередь содействовать экономическому росту и развитию стран-членов. Ввиду напряжённых отношений между Россией и странами Запада международная реакция на момент образования союза была неоднозначной. Поэтому в договоре о создании ЕАЭС отдельно отмечалась исключительная экономическая направленность союза без декларирования каких-либо политических целей. Данное обстоятельство по сути своей стало определяющим рамки и направления сотрудничества стран-членов. Из всех провозглашённых целей и задач можно выделить несколько основных, в достижении которых на текущий момент удалось достичь наибольших результатов [1].

Первые годы функционирования союза характеризовались международной напряжённостью, а также кризисным состоянием мировой экономики, что выражалось в высоком уровне инфляции, особенно в странах постсоветского пространства. Также наблюдались существенные дисбалансы в структурах торгового баланса и валютного рынка. Такое состояние мировой конъюнктуры определило одну из главных целей ЕАЭС — достижение макроэкономической стабильности и финансовой устойчивости. В качестве конкретных задач в рамках этой цели предполагалось к 2020 году добиться устойчивого роста технологического развития, увеличить диверсификацию товаров и услуг, экспортируемых странами-членами в тех областях, в которых это возможно. В остальных случаях необходимо было модернизировать производства с помощью новейших автоматизированных продуктов машиностроения. Эти действия в совокупности с проведением единой финансовой и денежно-кредитной политики со временем должны были привести к нормализации валютно-денежных балансов стран-членов союза, а также к таргетированному снижению инфляции до благоприятных уровней, не мешающих экономическому развитию. При согласованном выполнении всех этих задач как в рамках ЕАЭС, так и для каждого отдельного государства-участника, должна была быть достигнута заявленная цель по установлению макроэкономической стабильности [1].

Значимость данного направления сотрудничества как начала интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС сложно переоценить. Макроэкономическая стабильность является важнейшим и обязательным условием для устойчивого экономического роста, который по своей сути и является главной целью существования союза. Поэтому

представляется вполне логичным и оправданным направить первоначальные усилия на достижение этой цели. Работа в этом направлении началась сразу же после официального оформления союза, однако, поскольку он не вмешивается напрямую в детальность финансовых регулирующих органов и не обязывает страны-участницы принимать общую для всех наднациональную политику, каждая из них самостоятельно разрабатывала новые механизмы регулирования. В 2015 году в России, Белоруссии и Казахстане инфляция находилась примерно на одном уровне (12 %), поэтому они направили совместные усилия для усовершенствования инструментов денежно-кредитной политики. Результатом этих усилий стало оформление согласованной политики ЕАЭС в области разработки антициклических и стимулирующих мер. Страны союза на уровне регулирующих финансовых органов договорились проводить эффективную макроэкономическую политику по управлению инфляцией, а также спросом и предложением на валюту и товары внутри союза. Одной из основных мер стабилизации на первоначальном этапе было создание значительных золотовалютных резервов при одновременном сокращении внешнего международного долга [5].

Для достижения данной цели странам ЕАЭС потребовалось около трёх лет. При этом начиная с 2015 года и вплоть до 2018 года наблюдалось устойчивое и планомерное снижение инфляции и сокращение долга государств – членов союза. Как упоминалось ранее, в 2015 году средний совокупный уровень инфляции составлял 12 %, в 2016 он опустился до 9 %, а в 2017 — до комфортных и приемлемых для экономики 5 % и оставался на таком уровне вплоть до 2021 года. По этому показателю устойчивой инфляции ЕАЭС можно сравнить с Европейским союзом (ЕС), который традиционно считается оплотом финансовой стабильности, и это притом, что его страны-члены являются преимущественно экономически развитыми государствами, для которых характерна низкая устойчивая инфляция. Страны-участницы ЕАЭС, наоборот, являются развивающимися, поэтому для них характерна повышенная инфляция с периодами определённой нестабильности. Таким образом, можно однозначно сказать, что в рамках направления по достижению макроэкономической стабильности в пределах ЕАЭС страны-участницы добились по-настоящему выдающихся результатов, при этом также сократив и внешний государственный долг в среднем до 30% от ВВП, что почти в три раза меньше общемирового показателя в 80%. Также стоит отметить, что механизмы по реагированию на экстренные ситуации и кризисы, разработанные в рамках союза, показали себя с лучшей стороны и в 2022 году после введения в отношении России беспрецедентных западных санкций. Они были нацелены преимущественно на разрушение именно финансовой стабильности и банковской системы, но предпринятые финансовыми

регуляторами меры и действия, которые были разработаны ещё в 2015 году в рамках ЕАЭС, позволили максимально мягко пережить этот удар и сохранить целостность системы [6].

Другим значимым направлением развития, в рамках которого на данный момент удалось достичь серьёзных результатов является развитие инфраструктуры на всём пространстве ЕАЭС. Поскольку одной из главных целей союза является повышение транспортной доступности для перемещения людей, товаров и услуг, направление усилий на развитие инфраструктуры объявлялось одним из приоритетных направлений сотрудничества. Важно отметить что стратегическое значение инфраструктуры было очевидно ещё до официального оформления ЕАЭС, поэтому после его создания у многих стран-членов уже были разработаны национальные планы развития транспортных сетей сообщения. В рамках союза на базе Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в первую очередь велась работа по гармонизации транспортного законодательства стран-участниц в области регулирования перемещения товаров и услуг как на национальном, так на союзном уровне. С достижением этой цели началась разработка совместных конкретных планов и проектов по строительству инфраструктурных объектов и транспортных логистических коридоров, в частности, казахстанских (морской порт Актау и морской порт Курык) и российских портов (морской порт Калининград, морской порт Махачкала, морской порт Новороссийск, морской порт Усть-Луга). При этом деятельность в этом направлении не ограничивалась только самим ЕАЭС: предпринимались также определённые усилия для заключения и участия в международных договорах, в частности, с Китаем в рамках его инициативы «Один пояс, один путь» [7].

На текущий момент можно сказать, что в рамках этого направления страны ЕАЭС добились больших успехов, в равной степени развивая транспортную инфраструктуру на всей территории союза. Во многом результативность работы по данному направлению обосновывает появление ещё более крупных проектов и программ развития в этой области. Так, по результату доклада ЕЭК в 2022 году, страны-члены союза заявили около 20 масштабных инфраструктурных проектов. В частности, Армения планирует реализацию проекта по строительству автодорожного коридора «Север – Юг» протяжённостью 556 км, в который входят строительство дорожных участков между Арташат – Сисиан и Сисиан – Каджаран, а также строительство МТК «Север – Юг», созданный для привлечения транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива через Каспийский регион и далее в Северную и Западную Европу. Казахстаном был заявлен масштабный проект по электрификации железнодорожного участка «Луговая – Балыкчи» протяжённостью в 321 км. Предполагается за счёт наличия мощной гидроэнергетической сети Киргизии перевести

действующие составы с дизельного топлива на электроэнергию. Также в настоящее время кыргызская сторона предлагает включить в проект строительство железной дороги «Балыкчи – Кочкор – Кара-Кече – Макмал – Джалал-Абад». Ожидается, что реализация этого проекта окупится за счет ежегодной экономии эксплуатационных расходов, получаемой за счет применения в качестве энергоносителя электроэнергии вместо дефицитного и дорогостоящего дизельного топлива и других ГСМ, а также реализации более высоких скоростей движения поездов при электрической тяге, уменьшения затрат на ремонт и амортизацию подвижного состава, уменьшения ущерба от загрязнения окружающей среды. Россия же в качестве масштабных будущих проектов заявила строительство участка частной автомагистрали «Меридиан» протяжённостью 1 411 км, проходящей также через территорию Белоруссии и Казахстана. Реализация проекта предусмотрена в период с 2026 года в рамках пятилетнего плана дорожной деятельности на период 2023–2027 годов [7].

Перечисленные проекты представляют собой лишь часть наиболее значимых объектов транспортной инфраструктуры, нацеленных на содействие и облегчение перемещения людей, товаров и услуг между странами-участницами союза. Однако даже этого достаточно, чтобы оценить масштабы и перспективы работы в рамках этого направления. Положительная динамика выражается, например, в ежегодном увеличении грузоперевозок всеми видами транспорта (в ЕАЭС в 2021 году они увеличились на 2,2% по сравнению с 2020 годом), а также в увеличении перевозки пассажиров в среднем на 2% год к году. Реализуемые проекты в большинстве своём затрагивают сразу несколько стран союза, тем самым лишь укрепляя экономические взаимосвязи и содействуя дальнейшей интеграции. Таким образом, углубление и масштабирование взаимодействия в области транспортной инфраструктуры является одной из наиболее приоритетных сфер сотрудничества в рамках ЕАЭС [4].

Кроме этого, при сохранении текущих тенденций мировой экономики и международных отношений другим наиболее перспективным направлением сотрудничества для Евразийского союза может стать торгово-экономическое сближение со странами Востока, в частности, с Китаем. На данный момент ЕАЭС уже ведёт сотрудничество с этой страной, в особенности, в транспортной и энергетической сферах. Выражается оно в совместном финансировании различных объектов, например, «Сахалин-2» и железнодорожный «Северный широтный ход». Однако сотрудничество во многом ограничивается лишь двухсторонними соглашениями между Россией и Китаем по конкретным вопросам и отдельным узким направлениям, которые не затрагивают остальных участников союза. При условии напряжённости со странами Запада возможности по привлечению инвестиций в

страны союза существенно снизились, поэтому в рамках политики переориентации на Восток расширение масштабов сотрудничества с Китаем представляется перспективным направлением развития международного взаимодействия ЕАЭС [4].

Таким образом, при изучении ЕАЭС можно сказать, что он в значительной степени является образцовым примером региональной интеграции. Главные цели, заявленные в официальных документах, в частности, достижение и поддержание макроэкономической стабильности, а также содействие и облегчение перемещения людей, товаров и услуг на территории союза, успешно достигаются. Страны-участницы совместными усилиями разработали эффективные механизмы и инструменты по сдерживанию роста инфляции и частой смены фаз экономического цикла. За годы существования союза на всей его территории были построены сотни километров железных и автомобильных дорог и других объектов инфраструктуры, которые существенно увеличили возможности по транспортировке товаров по единому рынку. При этом, несмотря на достигнутые результаты, у ЕАЭС ещё остаётся множество перспективных направлений для сотрудничества как на региональном уровне по углублению интеграции между странами-участницами, так и на международном – в форме расширения взаимодействия с Китаем не в рамках двухсторонних соглашений, а с привлечением масштабных инвестиций во все страны ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 09.12.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения 29.03.2024).
2. Зиядуллаев Н. С. Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 5. – С. 3–18.
3. Кусаинов Б. О. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 13. – С. 670–675.
4. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroes_pol/oner2030.php (дата обращения 29.03.2024).
5. Рождественская И. А., Москвитина Е. И. Современные направления экономического сотрудничества стран-членов Евразийского экономического союза: результаты и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 9. – С. 50–62.

6. Статистика ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat (дата обращения 29.12.2023).
7. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения 29.03.2024).

БАТЯЕВ Р. А.

**КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
2016 И 2023 ГОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье сравниваются документы действующей и предыдущей Концепции внешней политики РФ. Отмечаются лингвистические и смысловые элементы, свидетельствующие о смене приоритетов России на международной арене, появлении новых угроз для национальной безопасности и более решительной демонстрации готовности борьбы с ними.

Ключевые слова: национальная безопасность, Концепция внешней политики, геополитика, международные отношения, русский мир.

BATYAEV R. A.

**THE FOREIGN POLICIES OF THE RUSSIAN FEDERATION:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF 2016 AND 2023 VERSIONS**

Abstract. The article presents a comparative analysis of the current and previous versions of the foreign policy of Russia. The linguistic and semantic features found show a change in Russia's priorities in the international arena, the emergence of new threats to national security and a more decisive demonstration of readiness to combat them.

Keywords: national security, Concept of foreign policy, geopolitics, international relations, Russian world.

Одной из главных позитивных черт для государств во взаимодействии на международной арене является предсказуемость. Так как в международных отношениях нет какого-либо актора, к которому можно обратиться как к третейскому судье, возможность с определенной степенью вероятности предположить действия государства в ответ на те или иные шаги помогает избавить взаимодействие независимых государств (как основных акторов международной политики) от абсолютной анархии.

Безусловно, в попытке выстроить логику взаимодействия государства с внешним миром можно опираться на целый ряд элементов: публичные заявления крупных политических деятелей, открытие или закрытие центров культуры государства, посольств, консульств и ряд других практических шагов со стороны официальных лиц. Но с большой долей вероятности можно говорить о том, что одним из наиболее достоверных шагов для понимания логики поведения государства на международной арене является изучение её документов, регулирующих принципы внешней политики.

В России можно выделить несколько документов подобного типа: они именуются в

российском правовом поле документами стратегического планирования. Наиболее масштабной, всеобъемлющей и всеохватной является Концепция внешней политики, в которой рассматриваются приоритетные для взаимодействия регионы мира, выделяются ключевые угрозы и способы их решения, векторы развития Российской Федерации на международной арене.

Следующим важным документом является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая описывает тенденции развития международных отношений и возможности для роста, артикулирует национальные интересы Российской Федерации и способы их обеспечения. В документе также рассматриваются вопросы безопасности, потенциальные угрозы и способы их предотвращения. Текущая Стратегия национальной безопасности принята в 2021 году [10].

Наиболее прикладным документом подобного рода является Военная доктрина, которая фиксирует характер военных угроз и задач и способов борьбы с ними, либо их предотвращения. Последний на данный момент документ подобного типа принят в Российской Федерации в 2010 году [1].

Документы стратегического планирования довольно часто являются темой академических исследований. Одной из важнейших причин интереса к изучению концепций, стратегий и доктрин, связанных с внешней политикой, является прямая связь с реальной политикой. Причем далеко не всегда внимание стоит обращать только на сам текст. Некоторые исследователи утверждают, что, когда речь идет о приоритетах во внешней политике, крайне важен порядок упоминания макрорегионов, который характеризует вектор интересов руководства России. При этом в тексте документа нет прямых указаний на подобную взаимосвязь [7; 8].

Изучению Концепции внешней политики РФ как стратегического документа посвящен ряд академических статей. Преимущественно, исследователи обращают внимание на имиджевые [6], субъективные [9] и философские аспекты [11], содержащиеся в данном документе. Также есть научные статьи, анализирующие текст действующей [2] и предыдущей [3] Концепции внешней политики России. Сопоставление текста Концепций 2016 и 2023 годов может дать дополнительную информацию о эволюции представлений о ведении диалога и взаимодействия на международной арене лицами, принимающими политические решения в Российской Федерации.

31 марта 2023 года Президент РФ подписал указ об утверждении обновленной Концепции внешней политики. Предыдущая Концепция была принята 30 ноября 2016 года. Стоит сказать, что документы подобного рода сменяются не так часто. Предшествующие редакции документа опубликованы в 1993, 2000, 2008 и 2013 и 2016 годах.

В самом начале сопоставления документов необходимо ответить на вопрос: чем является Концепция внешней политики? Опираясь на сам текст документа можно сказать, что Концепция внешней политики – это документ стратегического планирования, который является системой взглядов на национальные интересы во внешнеполитической сфере, который включает в себя базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики Российской Федерации, в то время как текст прошлой редакции не включал упоминания о национальных интересах во внешнеполитической сфере, о стратегических целях, стоящих перед руководством [12].

Помимо направлений деятельности во внешней политике документ содержит обоснование особого положения России в мире, что прежде не входило в документы подобного ранга. Говорится о тысячелетнем опыте государственности, о исторических связях с европейской и другими культурами, об обеспечении гармоничного сосуществования народов. Также в документ вводится понятие «Русский мир», который включает русский и другие народы, образующие культурно-цивилизационную общность [5].

Если в прежнем документе говорилось о нарастании нестабильности в международных отношениях из-за попытки Запада удержать передовые позиции путем давления на другие страны, то в новой версии прямо говорится о «недружественных действиях Запада». О Соединенных Штатах сказано более эмоционально: что это «главный вдохновитель, организатор и исполнитель агрессивной антироссийской политики коллективного Запада».

Говорится уже не о сдерживании прогресса Западом, в его адрес выдвигаются более серьезные обвинения. Запад критикуется за провоцирование государственных переворотов и кровопролитных вооруженных конфликтов, за применение технологий манипуляции сознания по отношению к социальным группам и народам, за навязывание государствам «деструктивных неолиберальных идеологических установок», которые противоречат традиционным духовно-нравственным ценностям народов по всему миру.

В новой концепции конкретизируется переход к многополярной модели в экономической сфере: «получают распространение новые национальные и трансграничные платежные системы, растет заинтересованность в новых международных резервных валютах».

В Концепции внешней политики 2023 года Специальная военная операция рассматривается как гибридная война нового типа, развязанная Соединенными Штатами и их союзниками, чтобы ослабить нашу страну, подорвать её созидательную цивилизационную роль, ограничить суверенитет во внешней и внутренней политики, подвергнуть угрозе территориальную целостность Российской Федерации. Для предотвращения подобной угрозы Россия готова использовать «все имеющиеся средства» [5].

Категория «национальные интересы» прежде содержалась в других разделах

документа. Но, помимо перечисляемых ранее национальных интересов, добавляется ряд пунктов, среди которых: сбережение народа России; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации.

Одним из приоритетов внешнеполитической деятельности в новом документе становится снижение зависимости российской экономики от недружественных действий иностранных государств с созданием международной платежной инфраструктуры и развитию торговли в национальных валютах.

Впервые в документе подобного ранга появляется термин «русофобия» в контексте защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан и организаций.

Приоритетность внешнеполитического взаимодействия, определяемое, в том числе, порядком перечисления макрорегионов в документе, в 2016 году выглядела так: СНГ, Европа, США, АТР, Ближний Восток и Северная Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Африка к югу от Сахары. Система приоритетов в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года выглядит следующим образом: 1) ближнее зарубежье, 2) Евразийский континент (КНР, Индия), 3) АТР, 4) Исламский мир, 5) Африка к югу от Сахары, 6) Латинская Америка и Карибский бассейн, 7) Европа, 8) США и другие англосаксонские государства.

После сравнения частных моментов, отличающихся в старой и новой Концепции внешней политики, можно попробовать сделать несколько общих выводов. Концепция 2016 года, как и все предыдущие, носит более формальный и юридический характер. Концепция 2023 года написана более экспрессивно, содержит более эмоциональные формулировки, чем прежде. Если первые Концепции внешней политики были направлены сначала на дружественное, потом на взаимовыгодное сотрудничество с Соединенными Штатами и Европой, то сегодня речь идёт об определенной степени противостояния теряющему силу «гегемону». Крайне вероятно, что необходимость принятия документа трактовалась кардинальным изменением внешнеполитического пространства после начала в 2022 году Специальной военной операции. Несмотря на то, что обозначение наличия собственных национальных интересов и готовность отстаивать их, заявленная в документе, может стать преимуществом России на международной арене, тот факт, что язык документа крайне отличается от предшественников, вызывает определённые опасения, т.к. некоторые из употребляемых выражений могут быть переведены на другие языки некорректно или вырваны из контекста, что может способствовать дальнейшей эскалации международной напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения 24.03.2024).
2. Дробот Г. А. О Концепции внешней политики России 2016 года // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 4. – С. 22–32.
3. Зуев Н. А. Новая Концепция внешней политики Российской Федерации: анализ основных положений // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – С. 281–289.
4. Как менялась Концепция внешней политики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/17418381> (дата обращения 24.03.2024).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения 24.03.2024).
6. Лябухов И. В. Имиджевая составляющая в Концепциях внешней политики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2011. – № 2. – С. 34–42.
7. Мальченков С. А. Западное и восточное направления во внешней политике России в 90-е гг. XX в. // Вестник Мордовского университета. – 2014. – Т. 24. – № 3. – С. 53–57.
8. Мальченков С. А. Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты Известия Российского педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2008. – № 26 (60) – С. 176–181.
9. Подберезкин А. И. Субъективные аспекты новой Концепции внешней политики России // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 4 (399). – С. 5–25.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948 (дата обращения 24.03.2024).
11. Сухоплюев П. А. Концепция внешней политики Российской Федерации (философский аспект) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 3 (15). – С. 98–105.
12. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения 24.03.2024).

КЛЮЕВ Н. Н.
СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ РОССИИ: УСПЕШНЫЕ КЕЙСЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается специфика российского председательства в объединении БРИКС (БРИК) в 2009, 2015 и 2020 годах. Исследуются основные направления сотрудничества в контексте председательства РФ. Автор уделяет особое внимание анализу перспектив дальнейшего взаимодействия в рамках БРИКС в контексте расширения объединения и председательства России в 2024 году.

Ключевые слова: Россия, сотрудничество, БРИКС, многополярность, интеграция, саммит, председательство.

KLYUEV N. N.
COOPERATION WITHIN THE BRICS UNDER THE RUSSIAN CHAIRMANSHIP:
SUCCESSFUL CASES AND PROSPECTS FOR FURTHER DEVELOPMENT

Abstract. The article considers the specifics of the Russian chairmanship in the BRICS (BRIC) in 2009, 2015 and 2020. The main areas of cooperation in the course of the Russian chairmanship are studied. The author focuses on analyzing the prospects for further cooperation within BRICS in the context of the BRICS enlargement and Russia's chairmanship in 2024.

Keywords: Russia, cooperation, BRICS, multipolarity, integration, summit, chairmanship.

В условиях продолжающейся Специальной военной операции на Украине и гибридной войны коллективного Запада против России наше государство продолжает выстраивать надежное, эффективное и взаимовыгодное сотрудничество в рамках незападных объединений, таких как ШОС, ЕАЭС, БРИКС и др.

БРИКС – это неформальное межгосударственное объединение 10 стран (Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта, Эфиопии и Ирана). С момента создания формата БРИК в 2009 году Россия председательствовала в объединении три раза: на самом первом саммите БРИК, проходившем в Екатеринбурге, а также уже в рамках БРИКС – в 2015 году в Уфе и в 2020 году в Санкт-Петербурге в режиме видеоконференции – в связи с начавшейся пандемией коронавирусной инфекции Covid-19.

Российская Федерация всегда выступала за выстраивание гармоничных и справедливых отношений в формате БРИКС и продвигала свои инициативы по формированию эффективных и взаимовыгодных направлений сотрудничества в рамках объединения. В годы

председательства России в БРИКС на первый план всегда выносились наиболее важные темы: экономическое взаимодействие, борьба с терроризмом и обеспечение безопасности, вопросы построения справедливого миропорядка и эффективной, отвечающей современным реалиям, системы глобального экономического и политического управления и т.д. В рамках данной статьи нами будут рассмотрены основные аспекты и достижения председательства России в БРИКС (БРИК) в 2009, 2015 и 2020 годах, а также выделены некоторые приоритеты и цели председательства России в объединении в 2024 году.

Проблема председательства России в БРИКС нашла своё отражение в работах И. И. Абылгазиева [1], Д. Д. Киртона [2], М. В. Ларионовой [3], А. П. Лукашика [4], И. И. Явновой [11].

Цель исследования – проанализировать основные аспекты и приоритеты сотрудничества в рамках БРИКС в годы председательства России. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, рассмотреть специфику российского председательства в БРИК в 2009 году, на «старте» объединения и формирования его важнейших задач и приоритетов. Во-вторых, проанализировать роль РФ в формировании повестки БРИКС в годы её председательства в 2015 и 2020 годах. В-третьих, определить основные перспективы дальнейшего взаимодействия в рамках БРИКС в контексте председательства РФ в объединении в 2024 году.

Стоит начать с того, что инициатором формирования объединения БРИК выступила именно Российская Федерация. На первом саммите стран БРИК лидеры государств-участников формата обязались всецело способствовать формированию справедливой и прозрачной мировой экономической архитектуры и выразили поддержку усилиям «Группы двадцати» по созданию проектов реформирования существующей системы международных финансовых институтов [11]. С 2009 года за 15 лет было проведено 15 саммитов БРИКС (см. табл. 1). Несколько из них проходили в формате видеоконференции, однако это никак не повлияло на эффективность диалогового формата и ещё раз подтвердило высокую консолидацию стран-членов объединения. Россия, как уже было упомянуто выше, была председателем БРИКС три раза – в 2009, 2015 и 2020 годах.

Таблица 1

Саммиты БРИКС (БРИК) с 2009 по 2024 год

Саммит	Дата проведения и формат	Город, страна
I саммит БРИК	16 июня 2009, очная встреча	Екатеринбург, Россия
II саммит БРИК	15–16 апреля 2010, очная встреча	Бразилиа, Бразилия
III саммит БРИКС	13–14 апреля 2011, очная встреча	Санья, Китай

IV саммит БРИКС	28–29 марта 2012, очная встреча	Нью-Дели, Индия
V саммит БРИКС	26–27 марта 2013, очная встреча	Дурбан, ЮАР
VI саммит БРИКС	15–16 июля 2014, очная встреча	Форталеза и Бразилиа, Бразилия
VII саммит БРИКС	8–10 июля 2015, очная встреча	Уфа, Россия
VIII саммит БРИКС	15–16 октября 2016, очная встреча	Гоа, Индия
IX саммит БРИКС	4–5 сентября 2017, очная встреча	Сямынь, Китай
X саммит БРИКС	25–27 июля 2018, очная встреча	Йоханнесбург, ЮАР
XI саммит БРИКС	13–14 ноября 2019, очная встреча	Бразилиа, Бразилия
XII саммит БРИКС	17 ноября 2020, в формате видеоконференции	Санкт-Петербург, Россия
XIII саммит БРИКС	9 сентября 2021, в формате видеоконференции	Нью-Дели, Индия
XIV саммит БРИКС	23–24 июня 2022, очная встреча	Пекин, Китай
XV саммит БРИКС	22–24 августа 2023, очная встреча (с президентом России в режиме видеоконференции)	Йоханнесбург, ЮАР
XVI саммит БРИКС	Запланирован на 22–24 октября 2024 в рамках очной встречи	Казань, Россия

Далее рассмотрим подробнее каждый из саммитов БРИКС, председателем которых была Российская Федерация.

I саммит БРИК (16 июня 2009, очная встреча) проходил в городе Екатеринбург. Данный саммит был разделён на 2 части: первая встреча состоялась на высшем уровне, вторая прошла с участием членов делегаций. Основные вопросы, которые поднимались в рамках дискуссий на полях саммита, – это проблемы глобального экономического кризиса, угрозы продовольственной безопасности, реформирование существующей системы Организации Объединённых Наций (ООН) и перспективы дальнейшего развития формата БРИК [8].

Главными целями формата БРИК были определены: стремление к формированию справедливого многополярного миропорядка, развитие и укрепление устойчивого и эффективного сотрудничества между странами объединения, координация по ключевым вопросам мировой повестки, а также содействие реформированию мировой валютно-финансовой системы.

Несомненными достижениями данного саммита можно назвать: во-первых, совместное коммюнике лидеров стран БРИК (с обозначением места следующего планируемого саммита в 2010 году в Бразилии); во-вторых, тот факт, что лидеры стран выразили особую обеспокоенность вопросами мировой продовольственной безопасности и опубликовали совместное заявление, касающееся глобальной продовольственной проблематики [2].

В последующие годы саммиты проходили в Бразилии, Китае, Индии. С присоединением ЮАР к формату в 2013 году саммит прошёл под председательством нового члена БРИКС. В 2014 году состоялся важнейший саммит в Бразилии, на котором было согласовано решение о создании Нового Банка Развития (НБР) БРИКС и Пула условных валютных резервов (ПУВР) БРИКС.

Наконец, VII саммит БРИКС (8–10 июля 2015, очная встреча) прошёл в России в городе Уфа. В контексте российского председательства в 2015 году продолжилась институционализация БРИКС. Были проведены первые мероприятия по новым секторам взаимодействия – промышленность, энергетика, окружающая среда, труд и занятость и др. В рамках объединения начали функционировать НБР и ПУВР. Особым достижением стало и то, что в рамках официального трека состоялись первые встречи министров промышленности, культуры, энергетики, молодежной политики и др. В ходе российского председательства прошли первые встречи молодежного, парламентского и гражданского форумов БРИКС [2].

Девиз саммита в Уфе – «Партнёрство стран БРИКС – мощный фактор глобального развития». В ходе встреч лидеров стран, рабочих групп и глав профильных ведомств были приняты: стратегия экономического партнёрства БРИКС, соглашение о сотрудничестве в сфере культуры, меморандум о создании интернет-сайта БРИКС и др. Россия также стала инициатором дорожной карты инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества до 2020 года.

Немаловажно, что в контексте российского председательства в БРИКС в 2015 году была продолжена и поддержана интеграция не только представителей власти или конкретных ведомств, но и научных сообществ и академических групп стран-участниц формата [9].

В последующие годы БРИКС продолжил свою трансформацию в эффективный и многовекторный формат взаимодействия по ключевым вопросам и направлениям мировой повестки. Саммиты с 2016 по 2019 год прошли в привычном формате очной встречи в рамках председательств других членов объединения. С каждым годом лидеры БРИКС высказывались в поддержку развития объединения и возлагали большие надежды на дальнейшее сотрудничество.

На 2020 год был запланирован XII саммит БРИКС, который должен был пройти в России с 21 по 23 июля в городе Санкт-Петербург. Однако распространение коронавирусной

инфекции и начало пандемии Covid-19 в мире внесло свои коррективы. Традиционную очную встречу лидеров стран-участниц БРИКС организовать было невозможно в связи с эпидемиологическими ограничениями. Но тем не менее формат прошёл проверку устойчивости и саммит всё же состоялся в рамках видеоконференции 17 ноября 2020 года [10].

Девизом саммита стала тема «Партнёрство в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста». Хотя данная тема на тот момент была весьма актуальной в связи с мировым кризисом, вызванным пандемией, фокус диалога был смещён на обсуждение наиболее эффективных путей выхода из сложившейся ситуации в мировом сообществе.

Довольно успешно в этом контексте проявил себя НБР БРИКС. Банком была незамедлительно выделена помощь размером в 10 млрд. долл. Уже к июню чрезвычайное финансирование получили Индия, ЮАР, Китай и Бразилия. ПУВР БРИКС находился в состоянии полной готовности в связи с угрозой кризиса платёжного баланса и взаимодействие полностью перешло в онлайн-формат [2].

Несмотря на проблемы в год российского председательства, в БРИКС были достигнуты весьма значимые цели.

Во-первых, как и было запланировано, прошли порядка 150 мероприятий в рамках видеоконференций. БРИКС проявил себя как устойчивую, эффективную структуру, способную функционировать и в период кризисов.

Во-вторых, в рамках саммита было принято около 30 документов: наиболее важно отметить Стратегию экономического партнёрства БРИКС на 2021–2025 гг., а также Антитеррористическую стратегию БРИКС.

В-третьих, БРИКС всецело и последовательно выражал как материальную, так и информационную поддержку Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) и сформировал ряд инициатив по скорейшему выходу из кризиса и распространению вакцины от Covid-19.

Отдельно стоит подчеркнуть, что в год председательства России впервые стал официально функционировать Женский деловой альянс БРИКС. Это говорит о том, что страны объединения одобряют и поддерживают развитие женского предпринимательства в мире. И ещё одним нововведением можно считать первую встречу министров стран-участниц по направлению «Спорт и физическая культура» [5].

После рассмотрения весьма успешных кейсов российского председательства в БРИКС следует перейти к анализу перспектив дальнейшего взаимодействия в рамках объединения в 2024 году.

Саммиты 2021–2023 годов показали особую озабоченность стран-участниц БРИКС проблемами глобальной экономической и валютно-финансовой системы, реформирования ООН, продовольственной безопасности, информационной безопасности, культурных противоречий и т.д. В условиях турбулентности и неопределенности на мировой арене в контексте начала военной операции на Украине, ближневосточных кризисов и т.д. лидеры БРИКС всё чаще подчеркивают важность открытого, равноправного и эффективного диалога по всем направлениям мировой повестки. БРИКС призывает страны так называемого «незападного мира» объединиться и сформировать устойчивые политические и экономические связи во избежание мировых экономических и финансовых кризисов. БРИКС в ближайшем будущем может стать реальной альтернативой западному экономическому объединению «Большая семерка» и даже опередить его по совокупному проценту ВВП и его росту.

В последние годы объединение обрело большую популярность и высокую степень доверия на мировой арене. С 1 января 2024 года к БРИКС присоединились 5 новых членов. Это только первая волна расширения БРИКС, и в последующие годы в него могут вступить ещё десятки стран. На данный момент подобное желание выражают порядка 30 государств. Всё это говорит о том, что формат имеет огромный вес и значение в мировом сообществе и в перспективе может стать реальной институционализированной площадкой для обсуждения глобальных вопросов и формирования мировых проектов в области экономики, экологии, культуры, спорта, науки и др.

На 2024 год запланирован XVI саммит БРИКС, который должен пройти с 22 по 24 октября в рамках очной встречи в России в городе Казань.

1 января 2024 года Президент России В. В. Путин заявил, что в год российского председательства в БРИКС наше государство планирует содействовать развитию плодотворного сотрудничества в таких областях, как политика, экономика и культура. Главным приоритетом он считает эффективное взаимодействие в области высоких технологий, науки и развитие научно-технологического сотрудничества. Также немаловажным, на его взгляд, является сотрудничество в сфере туризма, спорта, культуры и гражданского общества [7].

Председательство в БРИКС в 2024 году пройдёт под девизом «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [6].

Немаловажно, что на данный момент существует готовность многих других стран, а их порядка 30, подключиться в том или ином виде к БРИКС, к его многоплановой повестке дня. Для этого в контексте российского председательства будут активно выдвигаться инициативы по проработке модальностей новой категории «государств-партнёров» БРИКС.

Однозначно, особый внимание в рамках БРИКС в этом году будет уделено повышению внешнеполитической координации стран-участниц. Россия традиционно выступала и будет выступать за совместный поиск эффективных ответов на вызовы и угрозы международной и региональной безопасности и стабильности. В общей сложности в этом году планируется провести более 200 мероприятий различного уровня и направленности во многих городах России [6].

Таким образом, рассмотрев успешные кейсы российского председательства в БРИКС, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в рамках своих председательств в объединении, РФ всегда выступала за открытость, равноправный диалог и достижение консенсуса по всем ключевым вопросам текущей повестки. Особый акцент ставился на самых важных направлениях сотрудничества, среди которых борьба с терроризмом, обеспечение безопасности и стабильности на мировой арене, содействие формированию справедливой многополярной системы мирового порядка, реформирование существующей системы ООН, вопросы экономического и валютно-финансового сотрудничества и т. д.

Во-вторых, несмотря на давление коллективного Запада, кризисы, в том числе мировой кризис, связанный с пандемией Covid-19, и другие трудности, Россия всегда ответственно относилась к своим обязательствам в рамках председательства в БРИКС и пыталась разрешить спорные вопросы и трудные задачи, встающие перед объединением.

В-третьих, Россия в контексте прошедших председательств в БРИКС всегда вносила определённые новшества и формировала фундаментальные инициативы в рамках формата. Например, в 2015 году Россия стала инициатором дорожной карты инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества до 2020 года, а в 2020 году предлагала ряд инициатив по скорейшему выходу из кризиса и распространению вакцины от Covid-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылгазиев И. И. Итоги председательства Российской Федерации в ШОС и БРИКС в 2020 г. // Век глобализации. – 2021. – № 2(38). – С. 109–117.
2. Киртон Д. Д. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 7–30.
3. Ларионова М. В. Российское председительство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. – № 2. – С. 113–139.
4. Лукашик А. П. БРИКС: итоги российского председательства и векторы дальнейшего развития // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С. 51–62.

5. Подведены итоги председательства России в ШОС и БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/pressrelease/2020/12/25/itogi> (дата обращения: 24.03.2024).
6. Председательство Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brics-russia2024.ru> (дата обращения: 24.03.2024).
7. Путин назвал приоритеты председательства России в БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/19662813> (дата обращения: 24.03.2024).
8. Российское председательство 2009-2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/brik-rossiyskoe-predsdatelstvo-2009-2010> (дата обращения: 24.03.2024).
9. Российское председательство 2015-2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2015-2016-gg> (дата обращения: 24.03.2024).
10. Российское председательство 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020> (дата обращения: 24.03.2024).
11. Явнова И. И. БРИКС: история создания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 53. – С. 71–74.

ТИШКИНА Л. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье выявлены основные угрозы и вызовы, с которыми сталкиваются приграничные субъекты РФ. Автор акцентирует внимание на тенденции к возрастанию роли и значения приграничных регионов в условиях формирования новой геополитической обстановки, а также внутренних преобразований в политической жизни России.

Ключевые слова. Россия, национальная безопасность, приграничные территории, Южные Курилы, Дальний Восток, Северный Кавказ, Крым, Калининградский регион, ДНР, ЛНР, Херсон, Запорожье.

TISHKINA L. A.

SECURITY OF THE BORDER TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT ISSUES

Abstract. The article identifies the main threats and challenges faced by the Russian border regions. The author focuses on the tendency to increase the role and importance of border regions under the conditions of the formation of a new geopolitical situation, as well as internal transformations in the political life of Russia.

Keywords. Russia, national security, border territories, Southern Kuriles, Far East, North Caucasus, Crimea, Kaliningrad region, DNR, LNR, Kherson, Zaporozhye.

Распад СССР привел к тому, что из 89 субъектов России 50 являются приграничными. При этом данные территории обладают совершенно разными экономическими, экологическими и демографическими характеристиками, что лишь усложняет обеспечение безопасности и устойчивого развития на приграничном периметре. В свою очередь сохранение стабильной жизни на удаленных участках страны является важной задачей РФ как со стратегической, так и с экономической точки зрения. Однако современная международная обстановка обусловлена крайней напряженностью, а также беспрецедентным давлением, которое исходит от стран коллективного Запада по отношению к России. В таких условиях приграничные территории играют важнейшую роль не только в военной сфере (как крепкие блокпосты, принимающие на себя удар), но и в дипломатической, являясь основными путями для развития двусторонних связей с различными странами и регионами мира.

Вопросы актуальных проблем в сфере обеспечения безопасности приграничных территорий Российской Федерации нашли свое отражение в работах И. А. Андреева [1], Г. О. Барина [2], Э. К. Бийжановой [3], Е. Н. Давыборец [5], И. П. Подмарковой [9].

Объектом данного исследования стали приграничные территории России. Предметом исследования являются актуальные проблемы обеспечения безопасности на приграничных территориях России. Цель исследования – проанализировать актуальные угрозы и вызовы, с которыми сталкиваются приграничные территории России на фоне обострения международной нестабильности и выделить основные рекомендации по борьбе с ними. Для реализации поставленных целей необходимо выполнить ряд задач. Во-первых, рассмотреть влияние эскалации международных отношений на возрастающую роль приграничных регионов в системе национальной безопасности. Во-вторых, проанализировать угрозы обеспечения безопасности приграничных территорий, испытывающих наибольшее геополитическое давление. В-третьих, выявить перспективные направления для повышения уровня приграничной безопасности.

2014 год ознаменовал для России начало санкционного периода. В связи с событиями вокруг Крыма США и ряд европейских стран приступили к активному возвращению русофобской политики [2, с 63]. Данная тенденция по закреплению образа врага в лице РФ оказывает влияние не только на торгово-экономические возможности государства, но также является главным аргументом для продвижения влияния организаций коллективного Запада на Восток. Так, 4 апреля 2023 года в состав НАТО вошла Финляндия, которая имеет сухопутные границы с Россией протяженностью в 1270 км, охватывающие Карелию, Мурманскую и Ленинградскую области. В таких условиях наращивание силового потенциала НАТО и наделение его глобальными функциями становятся для РФ основными внешними опасностями, которые в первую очередь направлены на приграничные территории страны.

В борьбе за многополярность Россия активно развивает ряд организаций и объединений, которые укрепляют свою независимость и распространяются по всему мировому пространству. К таким организациям, например, можно отнести БРИКС, который обладает значительным потенциалом для расширения, так как желание присоединиться к международному объединению в той или иной форме выразили более двух десятков стран. Однако, несмотря на то, что со временем России удалось приспособиться к санкционному давлению и заручиться поддержкой партнеров, говорить о надежном уровне защиты приграничных территорий по-прежнему не приходится.

В связи с конфликтом на Украине и усложнившимися дипломатическими отношениями со многими странами перед Россией, обладающей обширными территориями, встает сложная задача – сохранить стабильность внутри приграничных регионов.

К территориям, которые испытывают наибольшую геополитическую напряженность, относятся Дальний Восток, Южные Курилы, Крым и новые регионы, Северный Кавказ и Калининград. В рамках статьи рассмотрим актуальные угрозы каждого региона отдельно.

На данный момент обстановка на дальневосточном регионе весьма стабильна. Главная угроза безопасности на Дальнем Востоке заключается в оттоке населения в европейскую часть страны. За многие годы в регионе сложилась неблагоприятная демографическая ситуация: на 6 млн квадратных километрах проживает всего чуть больше 8 млн человек (примерно 5% от населения всей России).

В соответствии со стратегией пространственного развития России, Дальний Восток представлен как важная сырьевая территория, переживающая демографический кризис. В документе присутствуют положения, призванные решать проблемы недостаточной освоенности данного региона: сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Дальнего Востока, обеспечение устойчивого круглогодичного транспортного сообщения малонаселенных и островных территорий и многое другое. Однако представленные идеи сталкиваются, судя по данным Росстата (таблица 1), с недостаточно развитой транспортной инфраструктурой и низкой пропускной способностью железных дорог [8].

Таблица 1

Плотность железнодорожных путей общего пользования

Федеральный округ	Год								
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2022
Центральный	266	262	261	262	262	262	263	260	261
Северо-Западный	77	77	78	78	78	78	78	78	78
Южный	156	154	154	156	160	162	163	165	165
Северо-Кавказский	125	124	124	123	123	123	123	123	123
Приволжский	144	144	142	142	142	142	142	142	142
Уральский	48	47	47	47	47	47	47	47	47
Сибирский	26	25	25	25	25	25	25	25	25
Дальневосточный	17	17	17	17	17	17	17	18	18

Указанные ранее положения в совокупности порождают недостаток рабочих кадров. Тем временем, несмотря на многолетние проблемы региона, полномочный представитель президента в ДВФО Юрий Трутнев на встрече с молодежью отметил [10], что проректоров по воспитательной работе в вузах будут увольнять с мест за недостаточную популяризацию патриотической повестки, что вряд ли сможет решить демографический кризис в регионе и пополнить ряды специалистов.

Перевес в востребованности профессий приводит к деградации социальной сферы и привлекает в регион огромный поток мигрантов: в основном, из Китая [5, с 91]. Отсюда возникает еще одна угроза – возможность выдвижения Пекином территориальных притязаний. Несмотря на то, что российско-китайские отношения с каждым годом становятся все более добрососедскими, с 1930-х годов между странами происходили

территориальные споры о границах. В 2008 году Россия передала Китаю половину Большого Уссурийского острова, остров Тарабаров и участок на острове Большой. Однако фактическое мирное соглашение не избавляет от факта «ползучей колонизации» со стороны КНР. Согласно переписи населения, на Дальнем Востоке проживает более 10 тыс. китайцев, процент которых в некоторых селах обгоняет численность коренных жителей.

Большое значение для России имеют Южные Курилы, которые находятся на периферии зоны азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. С оборонной точки зрения острова обеспечивают безопасные пути снабжения расположенных на Камчатке военных баз, а также контроль за морским и воздушным пространством Охотского моря. К тому же в районе островов, судя по утвержденным программам Правительства (таблица 2) добывается в общей сложности около 150 тысяч тонн морских биоресурсов, в том числе до 80 % объема отечественного вылова сайры, ведется активный промысел тихоокеанского лосося, краба и многого другого [7].

Таблица 2

Объем отгрузки продукции рыбоперерабатывающих производств

	2015	2016	2020	2025 (предполагаемые показатели)
Рыбоперерабатывающая сфера в целом	902,7 млн р	957,1 млн р	6920 млн р	8120 млн р

В свою очередь, главная проблема в сфере обеспечения безопасности на данной территории заключается в претензиях со стороны японского правительства. До настоящего момента между Россией и Японией по-прежнему не урегулирован спор по поводу принадлежности Курильских островов. Как таковых активных действий по противоборству с РФ Япония не предпринимает. Однако обвинения России в незаконном захвате территорий наносят ущерб суверенному статусу приграничного региона и вызывают угрозу возникновения сепаратистских настроений. К тому же за последние годы агрессия по отношению к России со стороны японцев значительно возросла из-за русофобской политики руководства Токио. Ситуация во многом усугубилась после того, как Владимир Путин подписал закон о переименовании 3 сентября в День Победы над милитаристской Японией [4], что вызывало протесты среди японского кабмина.

Вопросы системы обеспечения Калининградской области особенно важны, так как данный регион уникален своим географическим положением и статусом полуэксклава Российской Федерации. Область расположена в Центральной Европе и граничит с Польшей и Литвой. Сухопутные пути, которые связывали бы Калининград с федеральным центром,

отсутствуют, однако регион омывается Балтийским морем и, соответственно, обладает морским коридором.

Актуальным вопросом для региона является его продовольственное обеспечение. Если до 2022 года недостаток товаров можно было пополнить с помощью импорта из соседних стран, то после начала СВО данная возможность значительно сократилась. В результате эскалации международных отношений именно Калининградская область первая ощутила на себе санкционное давление после запрета транзита через Литву [6]. В основном, ограничения распространялись на цемент и металлические конструкции, поэтому затяжная блокада региона могла бы привести к замедлению темпов производства и строительства.

Геополитические угрозы также распространяются и на безопасное развитие социокультурной среды в Калининградской области. Территориальная близость с недружественными странами открывает для недоброжелателей больше возможностей для распространения пропагандистских материалов, что может сформировать в области нестабильную политическую обстановку и породить всплеск радикальной активности. В условиях нынешнего конфликта данная тенденция создает реальную угрозу потери контроля над территорией. К тому же регион наиболее подвержен воздействию факторов глобализации, что несет за собой опасность утраты культурной самобытности.

Демографическая составляющая тоже имеет свои особенности. По официальным данным, численность постоянного населения Калининградской области на 01.01.2023 составила 1032,3 тыс. человек. Показатели растут в основном только из-за положительного сальдо миграции. В свою очередь, естественная убыль населения с 2020 года увеличилась в 1,5 раза [11] и все еще обходит показатели рождаемости (рис. 1).

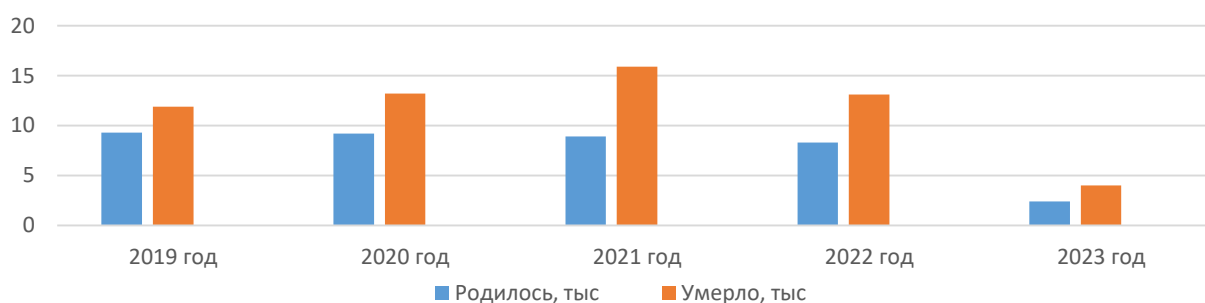

Рис. 1. Динамика рождаемости и смертности в Калининградской области.

Спокойствие и мирное взаимодействие далеко не всегда характерно для Кавказа. С военно-стратегической точки зрения СКФО обладает выгодным географическим положением, а также горной местностью и сложным ландшафтом. Все это говорит о том, что Северный Кавказ не только служит щитом от вторжений из региона Ближнего Востока [3,

с. 38], но также обеспечивает политические и социально-экономические связи в обширном пространстве, который охватывает Средний, Ближний Восток, а также Центральную Азию.

Основными актуальными угрозами обеспечения безопасности на данной территории являются проявление клановости и распространение исламского экстремизма. В таких условиях появляются опасения по поводу установления на СКФО террористической власти посредством переброски в Россию наемников, получивших боевой опыт в Сирии и Ираке. Плацдармом для этого могут стать запрещенные в РФ организации (например, «Исламское государство»), которые распространяют свое влияние в Афганистане, а также Южной и Юго-Восточной Азии.

Регион Северного Кавказа является одной из главных арен по борьбе за установление контроля над топливно-энергетическими ресурсами РФ. Отсюда возникает угроза западной экспансии, котораякратно усилилась после 2022 года, когда Россия, по стратегии национальной безопасности США, стала постоянным источником опасностей для европейской системы безопасности. В 2022–2024 годах вновь вспыхнули споры между Арменией и Азербайджаном. Главы обеих сторон предлагали РФ выступить в роли посредника в разрешении конфликта, однако США и ЕС выдвинули свою кандидатуру и организовали ряд встреч: например, в Брюсселе при посредничестве Шарля Мишеля и в рамках Мюнхенской конференции при содействии канцлера Олафа Шольца. Таким образом, РФ находится под угрозой потери роли главного арбитра в конфликтных ситуациях на Кавказе, что усиливает сложности обеспечения безопасности на северном регионе страны.

Приграничные территории на юге-западе страны, включающие в себя Крым, ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области, на данный момент являются самыми опасными. Данный факт связан с боевыми действиями, которые также затрагивают Белгородскую и Курскую области. Основные угрозы безопасности на данном направлении представлены в виде диверсионной деятельности со стороны противника [9, с 221], целью которых являются не только нефтегазовые объекты, но и гражданская инфраструктура, что приводит к потерям среди мирного населения.

Наряду с военными опасностями, большая угроза нависает над экономической безопасностью представленных территорий. Из-за непрерывных обстрелов многие промышленные и социальные объекты в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях разрушены, что приводит к оттоку населения и высокому уровню безработицы. Данная тенденция усугубляется проблемами с транзитом товаров из центральной части России и невозможностью оперативно восстановить производство.

Таким образом, проанализировав актуальные проблемы обеспечения безопасности приграничных территорий России, можно сделать следующие выводы. Во-первых, общий

уровень национальной безопасности РФ на 2023 год значительно снизился из-за переустройства всей мировой системы, что усилило роль приграничных территорий в государственной политике.

Во-вторых, разнообразие специфических угроз приводит к необходимости разработать комплексные меры для наиболее уязвимых регионов страны:

1) основными направлениями для решения проблем Дальнего Востока должны стать инвестиции в строительство крупных производственных объектов, а также усиление роли Дальневосточного региона в переориентации политики на Восток;

2) проблема Курильских островов требует укрепления влияния в АТР посредством сотрудничества с Китаем для усиления рычагов давления в отношении Японии;

3) в силу особого положения Калининградской области необходимо развивать высокотехнологичную и конкурентоспособную промышленность, которая смогла бы усилить самостоятельность данной территории в сфере самообеспечения;

4) для стабилизации ситуации на кавказском направлении России необходимо принимать активное посредническое участие в разрешении конфликтов постсоветских стран, закрывая пути проникновения Запада в регион;

5) на юго-западных границах важно обеспечить информационную работу с населением, а также повысить уровень готовности сил по борьбе с чрезвычайными ситуациями и создать на прифронтовых территориях подготовленную территориальную оборону.

В-третьих, по нашему мнению, для того, чтобы приступить к реализации выше указанных условий, необходимо разрешить противоречия внутри политических элит. Только консолидация высшего руководства позволит обеспечить безопасность приграничных территорий России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И. А. «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. – 2019. – № 2. – С. 90–106.
2. Баринев Г. О. Экономические санкции США и Евросоюза: причины и последствия // Евразийский союз ученых. – 2018. – № 8–4(53). – С. 63–66.
3. Бийжанова Э. К. Угрозы безопасности в северокавказском регионе в экспертных оценках: приграничный аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – № 3(38). – С. 38–44.

4. В России 3 сентября будут отмечать День Победы над милитаристской Японией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/18109827> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Давыборец Е. Н., Павловская И. В., Радиков И. В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в рамках политики поворота России на Восток: проблемы, тенденции // Вестник ЗабГУ. – 2022. – №1. – С. 88–98.
6. Литва отказалась пропускать в Калининград до половины грузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2022/06/17/15005366.shtml> (дата обращения: 06.03.2024).
7. Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/JCaHgEI5IzUMCxPZDPmoLmLBU3FsTKB6.pdf> (дата обращения: 07.03.2024).
8. Плотность железнодорожных путей общего пользования (на конец года; километров путей на 10000 квадратных километров территории) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/X2z5mrif/plot_p.xlsx (дата обращения: 05.03.2024).
9. Подмаркова И. П. Стратегия экономической безопасности Донецкой народной Республики в условиях цифровизации // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3–1. – С. 220–222.
10. Проректорам вузов без патриотических организаций пригрозили увольнением [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/07/2023/64a4f8639a7947e84eab6cf9> (дата обращения: 06.03.2024).
11. Смертность и рождаемость в Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gogov.ru/natural-increase/klg> (дата обращения: 06.03.2024).

САВИНОВА В. А.

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА**

Аннотация. Статья основана на сравнительном анализе положений Конституции двух государств бывшего СССР – России и Казахстана. Изучены конституционные изменения и дополнения, их сущность и значение.

Ключевые слова: государственное управление, Конституция, внесение изменений, Россия, Казахстан.

SAVINOVA V. A.

**FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF
PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN**

Abstract. The article presents a comparative analysis of the provisions of the Constitution of two states of the former USSR – Russia and Kazakhstan. The constitutional amendments and additions, their essence and meaning are studied.

Keywords: public administration, Constitution, amendments, Russia, Kazakhstan.

Для государств бывшего СССР свойственны общие проблемные моменты в создании адекватной новым условиям системы государственного управления. В 1990-е годы в ходе процесса суверенизации Российская Федерация (РФ) и Республика Казахстан (РК) столкнулись с определенными сложностями в данной области. В обоих государствах отсутствовала выверенная модель организации и функционирования власти на разных уровнях. За более чем тридцать лет независимости в Казахстане и России были проведены административные, региональные и муниципальные реформы с целью создания эффективной, оптимальной системы государственного управления, способной защитить национальные интересы. Такие реформы оказали влияние на трансформацию политических систем государств. Анализ формирования конституционных основ позволяет лучше понять исторические, политические и социокультурные факторы, оказывающие влияние на развитие государственных институтов.

Россия и Казахстан, в прошлом обладая общим опытом государственного управления в составе СССР, имеют ряд сходств и отличий, в частности, это относится к форме территориального устройства и выстраиванию вертикальных связей. Этап становления и развития системы государственного управления как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстане охватывает 1990–1993 годы и связан с трансформацией от бывших республик СССР к самостоятельному установлению административных систем.

Основы государственного устройства РСФСР закреплены в Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой 12 июня 1990 года Съездом народных депутатов. Затем 31 октября 1990 года был принят закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», в соответствии с которым объекты союзного подчинения, находившиеся на территории России и управляемые общесоюзными органами, объявлялись собственностью РСФСР. В области регулирования федеративных отношений 31 марта 1992 года подписан Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами субъектов. Договор состоит из трех взаимосвязанных документов, согласно которым все субъекты формально уравниваются в правах, имеют одни и те же полномочия и обязанности. По настоянию республик в договоре они именуются как «суверенные республики», имеют свои конституции и принимают свои законы.

Важнейшим документом для становления системы государственного управления Казахстана стала Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики от 2 октября 1990 года. В стране утвердилось разделение государственной власти на законодательную исполнительную и судебную. В это время происходит преобразование Совета Министров в Кабинет Министров. В 1991 году принят конституционный закон «О государственной независимости».

В период с 1991 по 1992 годы для России характерна противоречивая правовая основа, которая базировалась на нормах, унаследованных от Советского Союза, и на законах РСФСР как части СССР, сосуществовали прежняя строгая иерархия системы Советов с ее монополией на все властные функции и федерализм, президентская власть, принцип разделения властей.

Первые годы независимости для Казахстана характеризуются централизованностью, закладыванием основ системы государственного управления и поиском оптимальной модели государственной службы.

В период с 1993–1995 гг. происходит дальнейшее становление системы государственного управления государств бывшего СССР. В это время как в России, так и в Казахстане принимается Основной закон государства – Конституция.

Конституция Российской Федерации принята в результате всенародного голосования 12 декабря 1993 года. В Конституции заложены шесть основных принципов, которые регулируют управление государством, а именно: федеративное устройство, распределение полномочий по трем ветвям власти, гарантии прав и свобод человека, свобода заниматься экономической деятельностью, защита прав частной собственности и соблюдение международного законодательства. Суверенитет распределен между федеральным центром и территориальными образованиями [16]. Государственную власть в России, согласно

Конституции, осуществляют: Президент, Федеральное Собрание, Правительство и суды. Президент выведен из системы исполнительной власти и занимает самостоятельное место.

В это же время положено начало структурной реформе государственно-управленческой системы Казахстана. Согласно первой Конституции Республики, принятой Верховным советом 28 января 1993 года, Казахстан фактически определялся как парламентская республика, так как именно Верховный Совет наделялся полномочиями в сфере принятия, толкования и контроля за исполнением законов, изменении территориальных границ государства, утверждении бюджета, а также назначении кандидатов на должности Президента, Премьер-министра и министров Правительства. Соответственно, Президент был подотчетен Парламенту. Конституция 1993 года сохранила некоторые положения Конституции КССР 1978 года: в частности, Верховный совет оставался однопалатным представительным и законодательным органом.

В 1995 году продолжилось реформирование системы государственных институтов, создан стержень государственно-политического устройства страны. По результатам референдума 30 августа 1995 года принята вторая и действующая Конституция Казахстана, которая закрепила президентскую форму правления. В отличие от положений Конституции 1993 года, в новой редакции функции и полномочия, принадлежавшие ранее Парламенту, переходили к Президенту Республики. Также происходят упразднение Верховного совета и учреждение двухпалатного парламента в составе Сената, состоящего из пятидесяти сенаторов, и Мажилиса, представленного девяносто восемью депутатами. Законодательная ветвь власти распределилась между главой государства, парламентом и правительством. Судебная система в новой Конституции тоже претерпела изменения, заключающиеся в упразднении Арбитражного и Конституционного судов: последний преобразован в Конституционный совет, который, по сравнению со своим предшественником, не рассматривает обращения населения, а работает только с обращениями Президента, судей и депутатов.

Для Российской Федерации 1995 год важен принятием двух законов, определивших условия формирования местного самоуправления – «Об основах государственной службы в РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Одним из направлений реформирования государственного управления является внесение изменений в Конституцию. Следует более подробно остановиться на изменениях, которые вносились в основной документ государства и сравнить опыт России и Казахстана.

Первые изменения в Конституцию Казахстана были внесены в 1998 году: они касались вопроса продления сроков полномочий Президента Республики до 7 лет и отмены положения об ограничении баллотироваться на пост максимум два срока и предельного возраста главы государства (ранее составлял 63 года) и всех государственных служащих. Увеличены сроки

полномочий сенаторов и депутатов Мажилиса: до 6 и 5 лет соответственно. Следует также отметить, что в 2000 году Конституционный совет разрешил баллотироваться на пост главы государства более двух сроков подряд. Политические партии вследствие изменений, внесенных в Конституцию, получили возможность баллотироваться в нижнюю палату Парламента: не более десяти человек в партийном списке [6].

Однако во время следующих изменений, внесенных в Конституцию РК реформой 18 мая 2007 года, в стране начала действовать пропорциональная избирательная система, то есть Мажилис стал формироваться исключительно по партийным спискам, что влияет на возможности граждан самостоятельно выбирать своих представителей. Изменилась и процедура утверждения Премьер-министра, а именно парламентским большинством и консультацией Президента с партийными фракциями. Вновь изменились сроки полномочий главы государства: в этот раз в сторону сокращения до 5 лет, как это было ранее, а также введено определение «Первый президент», к которому стало неприменимо положение о невозможности занимать пост главы государства более двух сроков подряд. Также статусом конституционного органа была наделена Ассамблея народа Казахстана, получившая право делегировать своих представителей в нижнюю палату парламента [7].

Изменения, касающиеся установления основ назначения и проведения внеочередных выборов главы государства, внесены в Конституцию в начале 2011 года. Полномочиями по назначению внеочередных выборов наделяется Президент, за действовавшим на тот момент президентом Нурсултаном Назарбаевым были закреплены статус «Елбасы» и пожизненные властные полномочия [8]. Если первая Конституция Казахстана и законы были ориентированы на парламентскую республику, то изменения, внесенные в 1998, 2007 и 2011 гг. увеличивали полномочия Президента. С. Ш. Исраилова отмечает, что изменения в Конституции РК привели к формированию новой конструкции государственного устройства с четким отражением принципа конституционализма [4].

Изменения, внесенные в 2017 году, связаны с наделением парламента большими полномочиями. Так, Сенат по представлению Президента утверждает кандидатуру на должность уполномоченного по правам человека сроком на 5 лет. Правительство вновь стало нести ответственность перед Парламентом. Главным конституционным органом государства становится Совет безопасности [9].

В 2019 году с первой переменой власти в Казахстане, произошло еще одно изменение, закрепленное в Конституции, а именно – переименование столицы государства в Нур-Султан, что было связано с признанием роли и заслуг первого Президента независимого Казахстана, носившего титул Елбасы. Но спустя несколько лет, 17 сентября 2022 года, столице государства вернется ее прежнее название, а титул Елбасы утратит свое значение и будет отменен.

Последние изменения в Конституцию РК на данный момент были внесены в результате референдума 5 июля 2022 года: они во многом обусловлены январскими протестами. Поправками сокращается участие Президента в формировании верхней палаты парламента, а также ограничивается его влияние на местные представительные и исполнительные органы власти. Устанавливается норма однократного президентства сроком на семь лет. Вводится норма о запрете родственникам главы государства занимать должности государственных служащих. Изменения касаются возвращения к смешанной избирательной системе, упразднения квоты от Ассамблеи народа Казахстана и сокращения в Сенате квоты депутатов, выдвигаемых Президентом. Мажилис наделяется основной ответственностью за принятие законов, а Сенат – за их одобрение. В случае неодобрения Сенатом законопроекта выработан механизм права его преодоления Мажилисом. Правительство наделяется правом принятия постановлений, равных по силе законам. Нельзя не отметить преобразование Конституционного совета в Конституционный суд и введение безоговорочного запрета на смертную казнь. Все упоминания об особом статусе и привилегиях первого президента страны исключены из текста Конституции [10].

Первые изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 1996 году, касались корректировки названий двух кавказских республик. Республике Северная Осетия добавлено название Алания, Ингушская Республика стала Республикой Ингушетией. Изменения 2001 и 2003 годов внесены статью 65 и также касались названий субъектов страны [11]. С 2004 года в Российской Федерации начался процесс слияния сложноустроенных «матрешечных» субъектов: преобразования аналогично отражены в статье 65 Конституции.

Таким образом, в отличие от Конституции Казахстана, изначально в Конституцию России вносились изменения, касающиеся лишь переименований или укрупнений субъектов. Трансформации, затрагивающие укрепление властной вертикали и главенствующей роли Президента, стали включаться в Основной закон РФ с конца 2008 года: произошло увеличение срока как президентских полномочий с 4 до 6 лет, так и полномочий парламента – с 4 до 5 лет [12]. В том же году вносятся изменения, расширяющие полномочия Государственной Думы, она была наделена правом требовать у Правительства отчет о проделанной работе и ответы на поставленные вопросы.

Следующие изменения от 2013 года касались укрепления единства судебной системы государства: Высший Арбитражный Суд упразднен вследствие объединения с Верховным Судом. Расширены полномочия Президента по назначению прокуроров. Скорректировано наименование главы 7 Конституции РФ – «Судебная власть и прокуратура».

Президенту (по инициативе парламентской партии ЛДПР) предоставляется право назначать не более 10 % представителей от общего числа сенаторов в Совет Федерации,

которые не могли быть отстранены от должности другим главой государства [13]. 2014 год связан с еще одним важным изменением, вносимым в Основной закон – включением в состав субъектов Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополь [14]. В статью 65 также вносились изменения в 2019 году: Кемеровская область для связи территории с крупнейшим угольным месторождением добавила к своему названию слово «Кузбасс» [15].

Самое масштабное количество поправок, а именно 206, было внесено в Конституцию РФ по результатам всенародного голосования в 2020 году по инициативе Президента. Изменения касались федеративного устройства, организации и функционирования федеральных органов власти и вопросов местного самоуправления. Поправки направлены на сохранение исторических ценностей и культуры. Внесены положения, конкретизирующие статус глав субъектов, дополнены требования для кандидатов, занимающих данные должности. Установлен приоритет норм Конституции над международными актами.

В статью 81, устанавливающую требования к кандидатам на пост главы государства, внесены следующие изменения: увеличен ценз оседлости с 10 до 25 лет, гражданство может быть получено лишь путем филиации. Из части 3, касающейся срока полномочий, исключено слово «подряд». В целом можно наблюдать расширение полномочий главы государства за счет их сокращения у Правительства [1].

Конституции Казахстана и Российской Федерации являются «жесткими», то есть подразумевают сложную процедуру пересмотра и внесения поправок. Так, жесткость Конституции Казахстана проявляется в процессуальном аспекте: согласно статье 91, изменения и дополнения в основной документ страны могут быть внесены республиканским референдумом, проводимым по решению Президента по его инициативе или по предложению Парламента и Правительства страны. Проект изменений не выносится на референдум, если Президент передает его на рассмотрение Парламента. Если Президент отклоняет предложение о проведении референдума, Парламент большинством голосов не менее 4/5 вправе принять закон о внесении этих изменений, затем его подписывает Президент и выносит на референдум.

Согласно главе 9 Основного закона Российской Федерации, для пересмотра первой, второй и девятой глав требуется созыв Конституционного собрания, закон о котором так и не был принят. Следовательно, изменениям подлежат главы с третьей по восьмую, которые содержат положения, касающиеся организации и деятельности высших органов власти и особенностей федеративного устройства и местного самоуправления.

Подводя итоги, необходимо отметить, что для Российской Федерации первой половины 1990-х годов важнейшей задачей являлось сохранение политической целостности государства. Реформы характеризуются противоречием между провозглашенными демократическими

ценностями и необходимостью укрепления жесткой вертикали власти. Для Казахстана этот период времени также был сложен в плане укрепления самостоятельности и становления в качестве суверенного независимого государства. В Конституции Казахстана 1993 года не удалось решить ряд вопросов, связанных с преодолением советского прошлого, в связи с чем многие эксперты называли ее компромиссной.

Таким образом, наблюдается схожесть тенденций и параметров государственно-правового развития Казахстана и России. В обоих случаях глава государства – Президент – является координирующим звеном, обеспечивающим взаимодействие ветвей власти, однако Конституцией Казахстана закреплена президентская форма правления, а в России – республиканская. Россия и Казахстан отказались от института вице-президента в 1993 и 1996 годах соответственно. В конституционных реформах двух государств наблюдаются общие тренды вносимых изменений, но, несмотря на похожие намеченные цели, существуют отличия по способу решения проблем. В Конституции Российской Федерации устанавливается неотчуждаемость территории, в Конституции Казахстана территориальная целостность, унитарность, форма правления включены в перечень конституционных ценностей, которые не могут быть изменены. В ранних конституционных изменениях большое значение уделяется президентским срокам и полномочиям, однако основные различия вытекают из особенностей территориального устройства стран. Так в России до 2008 года поправки вносились именно в статью 65, связанную с субъектами Федерации. Новейшие изменения, внесенные в Конституции государств, направлены на расширение полномочий парламента в формировании правительства. Основная задача вносимых поправок – обеспечение стабильности. На основе проведенного анализа наблюдается похожая траектория становления и развития конституционных основ государственного управления двух постсоветских государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Вестник МГОУ. – 2021. – № 1. – С. 8–31.
2. Еркинкожа кызы Индира. Этапы конституционного реформирования в Республике Казахстан // Вестник КРСУ. – 2008. – Том 8. – № 2. – С. 154–158.
3. Зиманов С. Конституция и Парламент Республики Казахстан: учебник. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 345 с.
4. Исраилова С. Ш. Конституционные реформы в Республике Казахстан (2011–1993 гг.) // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 4-4 (25). – С. 89–92.
5. Кемел М. Становление системы государственного управления Казахстана // Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 2. – С. 267–277.

6. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 года № 284-I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010769 (дата обращения: 13.03.2024).
7. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 года № 254-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103613 (дата обращения: 13.03.2024).
8. О внесении дополнения в Конституцию Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 2 февраля 2011 года № 403-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000403> (дата обращения 13.03.2024).
9. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32937557 (дата обращения: 13.03.2024).
10. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 17 сентября 2022 года № 142-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35848390 (дата обращения: 13.03.2024).
11. О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации: Указ Президента РФ от 09.01.1996 N 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8789 (дата обращения: 13.03.2024).
12. Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83180 (дата обращения: 13.03.2024).
13. О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165801 (дата обращения: 13.03.2024).
14. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618 (дата обращения: 13.03.2024).
15. О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от

27.03.2019 г. № 130 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321096 (дата обращения: 13.03.2024).

16. Скрыпников В. А. Конституционные основы государственного управления и местного самоуправления Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 1. – С. 20–33.

КАРПОВ А. О.

**РОЛЬ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье выявлена роль религии в формировании национальной идентичности современной России. В исследовании анализируется то, как религия влияет на российское общество в современности, рассматривается роль религии после начала Специальной военной операции, анализируется религиозный конфликт в Дагестане в 2023 году, а также подчеркивается важность религиозных организаций как условия стабильности страны.

Ключевые слова: религия, религиозная организация, национальная идентичность, стабильность, современная Россия, государство, общество, политика, конфессия, религиозный конфликт, Дагестан, Патриарх Кирилл.

KARPOV A. O.

**THE ROLE OF RELIGION AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE FORMATION
OF NATIONAL IDENTITY AND STABILITY IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Abstract. The article reveals the role of religion in the formation of the national identity of modern Russia. The study analyzes how religion influences Russian society in modern times, examines the role of religion after the start of the Special Military Operation, analyzes the religious conflict in Dagestan in 2023, and also emphasizes the importance of religious organizations as a condition for the country's stability.

Keywords: religion, religious organization, national identity, stability, modern Russia, state, society, politics, denomination, religious conflict, Dagestan, Patriarch Kirill.

Современная Россия проходит через ряд кризисов и трансформаций. Эта характеристика присуща не только России, но и всему миру, т.к. в наши дни меняется мировая парадигма, происходит процесс деглобализации, в котором роль нашей страны крайне значима. Россия является важнейшим государством на международной арене, а мировые противоречия, выражающиеся в вооруженных конфликтах, не проходят мимо нее. Эти конфликты сильно затрагивают Россию и вызывают социальные противоречия и экономические сложности внутри страны. Нужно помнить, что Российская Федерация является многонациональным и многоконфессиональным государством. Указанное обстоятельство предполагает гармоничные межнациональные и межконфессиональные отношения внутри страны. Государство заинтересовано в том, чтобы население России

ощущало единство нации и стабильность. В этом плане огромную скрепляющую и стабилизирующую роль выполняет религия. Но в условиях цивилизационных столкновений в современном мире конфликтующие стороны стремятся победить противника, в первую очередь, не на поле боя, а на этическом и моральном поле. Поэтому современная Россия заинтересована в том, чтобы религия отражала этическую и цивилизационную угрозу. Следует рассмотреть, как религия в современной России поддерживает стабильность в обществе и оказывает влияние на формирование национальной идентичности.

Особенности взаимодействия государства и религии рассмотрены в исследованиях Т. Ф. Акчурина [1] и В. В. Алпатовой [2]. Проблематика роли религии в формировании национальной идентичности современной России нашла своё отражение в работах А. В. Логинова [4] и В. К. Пинкевича [6].

Цель исследования – анализ роли религии в формировании национальной идентичности современной России. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, рассмотреть историческую роль религии как гаранта опоры государства. Во-вторых, проанализировать влияние религии на формирование национальной идентичности и стабильности в современной России.

Стоит начать с того, что сегодня религиозная среда в России наполнена противоречиями. Религия сталкивается с внутренними конфликтами. Вызваны они, в первую очередь, влиянием извне и направлены на дестабилизацию российского общества. Религиозные конфликты очень опасны для России, учитывая ее историко-культурную специфику, в которой религия является одним из гарантов единства страны и оказывает большое влияние на формирование национальной идентичности.

Полиэтническая и многоконфессиональная Россия остро реагирует на события в мире. Некоторые регионы России являются крайне уязвимыми для конфликтов на религиозной почве. События, которые произошли в конце октября 2023 года в аэропорту Дагестана, наглядно показали, что при должной координации можно спровоцировать достаточно большое количество россиян на противоправные действия, основанные на религиозной ненависти к представителям другой конфессии. Благодаря слаженным действиям силовых структур конфликт был разрешен, а его зачинщики получили заслуженное наказание [8]. Однако данный факт является, скорее, исключением и четко иллюстрирует тезис о возможных опасностях в религиозном пространстве страны.

Следует отметить то, что религия и религиозные организации имеют обширную историю развития на территории России. И на протяжении веков религия являлась институтом, стабилизирующим обстановку в стране. На религию государство опиралось в сложные периоды смут и перемен: она являлась тем звеном, которое скрепляло страну. В свою

очередь, религия и политика в России обрели сильную взаимосвязь.

Многие исследователи [1; 2; 4] отмечают постоянные изменения в формате взаимодействия государства и религиозных организаций в разные периоды отечественной истории и на современном этапе. В частности, отмечается, что дореволюционный период развития религии и политики заключался в фактическом их сращивании, совместном выполнении поставленных задач. Советский период характеризуется гонениями на представителей различных конфессий, а также изъятием у церкви ее активов, земли и недвижимости. Новый этап оформляется в начале 1990-х годов, когда государство начинает восстанавливать и активно выстраивать диалог с представителями разных конфессий. Фактически в Российской Федерации получил нормативное закрепление светский характер государственных отношений. Религия и государство отказались от вмешательства в дела друг друга, а образование осталось отделенным от церкви. Тем не менее именно сегодня религия является тем институтом, который выполняет многие задачи государства. В этой взаимосвязи возникают проблемы светскости российского государства, однако важно подчеркнуть, что интересы традиционных религий в России (преимущественно православного христианства) во многом совпадают с интересами государства.

Нужно отметить, что сегодня в России религия играет важную роль в формировании национальной идентичности и поддержании стабильности государства. На современном этапе после 2022 года, когда Россия подверглась сильнейшей угрозе от стран Запада, в условиях общественной неопределённости, роль религии становится еще более значимой.

Российская национальная идентичность основывается на многовековой истории, культуре и религии, и религиозные организации способствуют ее сохранению и развитию. Многонациональный российский народ Российской Федерации сохранил собственные духовные и моральные скрепы, уникальные традиции и обычаи. В указанном аспекте религия играет стабилизирующую роль в государстве, поскольку является духовным базисом для миллионов верующих россиян, важной частью культурно-исторического наследия российского государства [6, с. 647]. Идеи традиционных религий направлены на мирное существование, поддержку близких, уважение к старшим и исполнение воли руководителей, главным из которых является государство, что в свою очередь стабилизирует обстановку в стране.

Роль религии в формировании национальной идентичности и стабильности в современной России можно выразить следующим образом:

1) религия формирует в стране традиционные ценностные основы, которые базируются на историческом прошлом, объединяющем людей в единое государство. Граждане понимают, что на основе религии, веры можно найти общие точки соприкосновения, общие цели и идеалы;

2) религия объединяет людей на основе сильных социальных связей, что позитивно отражается на мирном сосуществовании различных народов и культур в Российской Федерации;

3) традиционные религии РФ способствуют формированию нравственных ценностей, которые принимаются обществом. Каждая из религий учит людей милосердию, добру, взаимопониманию, дружбе, любви, уважению вышестоящего, которым, в том числе, может быть государство;

4) религиозные обряды напоминают гражданам о важности внутреннего мира человека, его души, необходимости справедливого разрешения проблем, выхода из непростых ситуаций. У верующих находятся силы, которые помогают преодолевать трудности, болезни, искать смысл жизни, находить в себе возможности для нравственного развития и мудрости. Вера дает понимание, что сложности, с которыми сталкивается человек, не всегда результат социальной несправедливости, проистекающей из-за неправильной политики государства. Для многих верующих сложность – это зачастую испытание со стороны высших сил, что, в свою очередь, снижает конфликтность населения.

К тому же религия – это часть культуры нашей страны, которую следует сохранять и передавать от старшего поколения к молодежи, что будет способствовать стабильности общества, основанного на сильных духовных скрепах.

Следует отметить, что традиционными для России являются такие религии, как христианство, ислам, буддизм. Указанные религии имеют собственные уникальные, даже противоречащие черты, но при этом они активно влияют на российский социум, формируя ценностные основы для наших граждан.

Согласно данным опроса ВЦИОМ 2021 года, преобладающей религией россиян является православие. Эту религию указали 66% опрошенных граждан. Ислам исповедуют 6%, протестантизм – 1%, буддизм – 1% [3]. Согласно данным статистики, которые есть в открытом доступе (наиболее валидные результаты датируются началом 2020 года), наибольшее число религиозных организаций в России является православными (18550), а также исламскими (5954) [7].

В свою очередь такой большой перекося в статистике в пользу православного христианства накладывает отпечаток на социальные отношения в стране. Христианство веками служило Российскому государству как моральный защитник, выполняя отчасти идеологическую функцию. Сегодня, когда де-юре государство и церковь отделены друг от друга, христианство все равно во многом поддерживает курс правительства страны. В 2000-е годы главным религиозным лицом на политической арене России становится патриарх Кирилл, который дает свои публичные комментарии по острым вопросам политической жизни

страны. Особенно роль религии, религиозных организаций и конкретных деятелей усиливается в политической действительности России в последние годы, что, по нашему мнению, объясняется назревшим общественным кризисом.

Религия пытается стабилизировать обстановку в обществе, однако при этом все больше и больше наращивает свое культурное и политическое влияние. Как мы отметили, эта тенденция особенно характерна для православия. Среди современных политиков православными являются Президент РФ В. В. Путин, Председатель Правительства РФ М. В. Мишустин, заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев, спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко, спикер Государственной Думы В. В. Володин и др. Все это оставляет отпечаток на их деятельности, т.к. религия прямым образом является составляющей мировоззрения человека.

Христианство принесло в культурную основу России определенные ценности, нормы, которые впоследствии стали базой для формирования уникальной идентичности – православного мира. В последние годы часто стало употребляться выражение «Русский мир», которое в большинстве случаев трактуется с учетом религиозного (православного) мировоззрения человека. Главной религиозной организацией христианства является РПЦ.

Можно выделить следующие основные направления деятельности социальной направленности Русской Православной Церкви:

1) религиозное образование и просвещение (создание духовных училищ, воскресных школ, издание православных газет, журналов, трансляции богослужений на телеканалах, развитие блогов священников в сети Интернет);

2) проведение конференций, круглых столов с привлечением к диалогу заинтересованных сторон. Представители Церкви также активно посещают различные научные конференции, где рассказывают о вере, добродетели, Боге;

3) активная работа с молодежью по линии православных организаций (например, Союз православной молодежи Мордовии). По линии епархий на системной основе осуществляется попечительская помощь детям, инвалидам, малоимущим слоям населения;

4) помощь участникам Специальной военной операции на Украине, которых на постоянной основе поддерживает РПЦ, а рядовые священники РПЦ вместе с бойцами российской армии нередко бывают на передовой.

Таким образом, роль религии и религиозных организаций в формировании национальной идентичности и стабильности в современной России в последние годы существенно выросла. Преобладающей религией в стране является православие, именно поэтому деятельность РПЦ традиционно находится в спектре внимания общества. В последние годы церковь поступательно занимается формированием национальной

идентичности в России, поддерживая стабильность в стране. На новогодней литургии 1 января 2024 года Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в очередной раз упомянул о единых православных основах российского и украинского народа, показал важность сближения двух наций на основе общехристианских ценностей. Он отметил, что вражеские силы стремятся разобщить православный мир, не допустить его сближения и добрососедского развития [5]. Этот тезис еще раз доказывает то, что в современной России религия является одним из главных институтов, которые стабилизируют общество, оказывают позитивное влияние на формирование и поддержку национальной идентичности в стране, а также защищают Россию от внешних и внутренних врагов на этическом и цивилизационном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин Т. Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) // Пространство и Время. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
2. Алпатова В. В. Русская православная церковь на современном этапе: отношения с властью и обществом // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2. – С. 184–186.
3. Великий пост – 2021. Опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 21.03.2024).
4. Логинов А. В. Проблемы разработки современной концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации // Государство и религиозные объединения. Материалы научно-практической конференции. – М.: Истина, 2022. – С. 31–40.
5. Патриарх Кирилл назвал русских и украинцев единым народом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230107/narod-1843363409.html> (дата обращения: 21.03.2024).
6. Пинкевич В. К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – № 4. – С. 647–663.
7. Религиозные организации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii> (дата обращения: 21.03.2024).
8. Соколов К. Беспорядки в аэропорту Махачкалы из-за рейса из Израиля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2023/653eb5399a7947b515dc49e2> (дата обращения: 21.03.2024).

КИЧАЕВА А. П.

**ПОЛИТИКА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КАК ПРИЧИНА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье проанализирована идеология неолиберализма, его основные принципы. Автор сравнивает применение политики неолиберализма на основе трех стран (США, Германия и России), выявляя общие черты, которые привели к кризисам как в отдельных государствах, так и в мире в целом. Данная статья обращает внимание на несостоятельность неолиберализма с его базовыми принципами в условиях современности.

Ключевые слова: неолиберализм, идеология, государство, приватизация, монетаризм, свободный рынок, конкуренция, социальная сфера, финансовые элиты, ТНК.

KICHAIEVA A. P.

**NEOLIBERAL POLICIES AS THE CAUSE
OF SOCIO-ECONOMIC CRISIS IN MODERN SOCIETY**

Abstract. The article provides an analysis of the ideology and basic principles of neoliberalism. The author compares the implementation of neoliberalism policies in three countries (USA, Germany and Russia) and reveals common features that have led to the crisis in some states and in the world. This article aims to prove that neoliberalism with its principles is impossible in modern world.

Keywords: neoliberalism, ideology, state, privatization, monetarism, free market, competitiveness, social sphere, financial elites, TNCs.

Неолиберализм представляет собой идеологию, получившую распространение во многих странах мира на фоне экономического кризиса в 1970-80-е гг. На сегодняшний день неолиберализм пользуется признанием в западных странах благодаря своей результативности в решении социально-экономических вопросов и обеспечении личной свободы. Среди его преимуществ: свобода предпринимательства, рыночная конкуренция, сокращение бюрократии в решении социально-экономических вопросов, привлечение иностранного капитала, развитие международной интеграции и др. Однако неолиберализм также имеет свои недостатки, становясь источником проблем и подвергаясь критике со стороны различных общественных групп. Экономический лоббизм, дерегуляция, приватизация и рыночная ориентация неолиберализма привели к росту неравенства, угнетению слабых социальных слоев населения, снижению стандартов жизни, расизму и национализму, которые мы можем наблюдать сегодня. Исследование сущностных

характеристик неолиберализма поможет оценить его эффективность и социальные последствия, с которыми пришлось столкнуться всему миру.

Неолиберализм является объектом исследования многих отечественных ученых. Так, Р. Капелюшников [3], А. Н. Ильин [2], С. Щербак [8] анализируют появление нового либерализма, его принципы и последствия для общества. Влияние неолиберализма на российскую политику рассматривают Н. Ю. Лапина [5], А. Н. Соболева [7]. Влияние идеологии либералов в зарубежных странах изучают В. А. Буткалюк [1], Д. Блок [9], А. С. Сербина [6] и Д. А. Кочегуров [4] и др.

Обратимся к понятию неолиберализма. А. И. Ильин отмечает, что «неолиберализм – это идеология, проповедующая приватизацию государства, то есть минимизацию роли государственных учреждений во всех сторонах жизни общества, и открытия пути для свободы капитала» [2, с. 11]. По определению Д. Блока, «неолиберализм представляет собой ограничение государства благоденствия путем сокращения объема предоставляемых общественных благ и услуг, передачи связанных с ними социальных функций в частные руки и уменьшение государственного финансирования» [9]. Интересное понимание данной идеологии у мексиканского революционера Маркоса, который заявил, что «неолиберализм – это синоним Четвертой мировой войны» и что его конечная цель – «превратить весь мир в один огромный торговый центр, где можно будет покупать индейцев здесь, а женщин там» [3, с. 7].

Новый либерализм появился как «политический проект», целью которого было восстановить капиталистический класс после социально-экономических кризисов 70-х гг. XX в. [3, с. 6]. Неолибералы считали, что государство тормозит развитие экономической сферы, подрывая основы капиталистической производительности и процветания. Поэтому выход из этой ситуации идеологи видели в отказе от политического вмешательства в экономику и переход к неолиберальной концепции [1, с. 162]. Идеология должна была укрепить капитализм для получения более высокой прибыли бизнеса, финансового капитала и транснациональных корпораций. Мы понимаем, что неолиберализм был выгоден для предпринимателей, но эта выгода была в ущерб среднего класса и социальных меньшинств [3, с. 6].

Обращаясь к вопросу о выгоде данной идеологии, стоит отметить роль транснациональных компаний. В практической деятельности неолиберализм во многом явился средством для доминирования транснациональных корпораций в мире. Для этой цели должна присутствовать стабильная мировая экономика, которая может быть достигнута за счёт манипулирования международными институтами и национальными правительствами с привлечением военной мощи крупных держав (таких, как США). Также экономическая

стабильность достигалась благодаря насаждению западных ценностей в области экономической политики, когда вся власть и богатства оказались сконцентрированы у корпораций и других элитных групп [3, с. 6]. Итогом неолиберальных реформ стало подчинение реального сектора экономики элите, из-за чего приоритет государства в поддержке финансовых институтов возрос [8, с. 299].

Решение всех проблем либералы видят в политике приватизации государственной собственности, а также сокращении расходов на нужды общества. В идеологии бытует мнение: если предприятие находится в частных руках, то работать оно будет более эффективно, чем при нахождении под контролем государственных институтов. Однако такая точка зрения ничем не подкреплена: наоборот, имеются примеры, когда компании приводились к банкротству [2, с. 13]. Например, деятельность предпринимателей в 90-е годы XX в. в России, характеризовалась низкой эффективностью, отсутствием транспарентности (прозрачности) и внешнего контроля над деятельностью собственников [5, с. 47].

Неолиберализм предполагает свободу торговли, открытый рынок, снижение налогов, а также сокращение инвестиций в социальную сферу. Объектом приватизации становится медицина, образование и даже армия (на это указывает формирование частных военных структур (ЧВК)). Новый либерализм стремится уничтожить общественную собственность в лице пенсий, льгот для малообеспеченных слоев населения, трудовых прав и др. [2, с. 11].

Субъекты в рамках неолиберальной идеологии рассматриваются в логике рыночных операций, поэтому экономические стимулы преобладают над моральными, социальными и политическими [9]. Особое место в неолиберальной идеологии имеет понятие монетаризма, который вращается вокруг общественных и природных ресурсов. По мнению неолибералов, все имеет свою цену, даже если это не соответствует рыночным критериям и не создано для продажи. Здесь можно даже отметить падение ценностей в лице семейно-брачных отношений, которые заменяются выгодным контрактом для двух сторон [2, с. 11].

Приведем примеры реализации некоторых идей неолибералов в контексте экономической политики на примере США, Германии и России.

На американскую политику неолиберализм стал оказывать влияние с момента его возникновения в 1980-х годах в период президентства Р. Рейгана. Приверженность неолиберальным идеям привела к осуществлению реформ, направленных на дерегулирование и открытие для коммерческой активности в различных секторах экономики. В основе монетаристской политики Рейгана были следующие механизмы: приватизация государственных предприятий, снижение налогов и уменьшение регулирования в целях стимулирования предпринимательской деятельности и роста бизнеса [4, с. 80].

Американская политика стала все более ориентированной на международную торговлю и лоббировала открытые рынки. Это привело к подписанию множества торговых соглашений и созданию блоков свободной торговли, таких как Североамериканское соглашение о свободной торговле (САСТА) и Соглашение о трансатлантической торговле и инвестициях (ТТИП).

В 1990-х гг. был принят ряд мер по дерегулированию финансового сектора, включая отмену в 1999 г. Glass-Steagall Act (Закон Гласса-Стиголла, который устанавливал запрет коммерческим банкам участвовать в операциях на рынке ценных бумаг), что привело к увеличению объема и сложности финансовых сделок, а также к возникновению финансового кризиса в 2008 г. Кризис привел к потере рабочих мест, дефолтам на ипотечные ссуды и общей экономической нестабильности, последствия которых до сих пор ощущаются американским обществом.

Критики неолиберализма утверждают, что он способствовал увеличению социально-экономического неравенства в Соединенных Штатах, так как политика снижения налогов и дерегуляции оказала большую поддержку корпорациям и богатым лицам, в то время как средний и нижний классы страдали от сокращения социальных программ и уровня жизни. Среди негативных последствий стоит так же отметить трудовую миграцию из Латинской Америки, стран Азии и Европы, с которой сталкиваются власти США.

Таким образом, неолиберализм оказал значительное влияние на американскую политику, приводя к изменениям в экономической и социальной сферах. Несмотря на положительные стороны неолиберализма, его негативные последствия стали предметом острой критики по причине негативного влияния на социальную справедливость, равенство и устойчивость экономики и общества в США.

В Германии политика неолиберализма начала развиваться в 1980-х годах, когда правительство под руководством канцлера Г. Коля проводило реформы, направленные на либерализацию и дерегулирование экономики. Коль придерживался принципов рыночной экономики и считал, что государственное вмешательство должно быть минимальным.

Одной из ключевых реформ было сокращение государственного сектора путем приватизации государственных предприятий. Также были проведены реформы системы социального обеспечения, ориентированные на стимулирование частного предпринимательства и индивидуальной ответственности.

В 1990-х годах влияние неолиберализма в Германии усилилось с приходом к власти социал-демократической партии (СПД) и канцлера Г. Шредера, который инициировал реформы, известные как «Agenda-2010». Они были направлены на повышение конкурентоспособности страны, сокращение безработицы и бюрократии [6, с. 137].

Основными мерами неолиберальной политики в Германии в тот период стали либерализация рынка труда, сокращение социальных льгот, снижение налоговых ставок и стимулирование предпринимательской активности.

Несмотря на то, что эти реформы привели к таким положительным изменениям, как ускорение экономического роста и снижение безработицы, они также стимулировали увеличение социального неравенства и недовольство определенных слоев населения. Большое количество граждан оказалось исключено из системы социальной защиты, а неравные условия труда и низкооплачиваемый труд вызвали массовые протесты и недовольство общества.

Существенные проблемы создавал также наплыв в Германию мигрантов, прежде всего, из стран Ближнего Востока, который поощрялся правительством. Причиной данной политики стало стремительное старение немецкого общества, и необходимость в людских ресурсах, способных трудиться и платить налоги.

Политика неолиберализма в Германии привела к коммерциализации и рыночной ориентации многих сфер жизни, но также вызвала определенные проблемы, связанные с неравенством и неопределенностью на рынке труда. В последующие годы германское общество стало в большей степени признавать необходимость сочетания рыночных механизмов с принципами социальной защиты и справедливости.

В России неолиберальные идеи сыграли значительную роль в 1990-х гг. после распада Советского Союза. Как известно, правительство во главе с Е. Т. Гайдаром провело ряд рыночных реформ, направленных на приватизацию государственных предприятий и открытие рынка для иностранных инвестиций. Эти меры осуществлялись под лозунгами поддержки свободного предпринимательства, конкуренции и ограничения государственного вмешательства в экономику. Неолиберальные реформы проводились и в сфере военного строительства. Они имели серьезные негативные последствия для оборонного потенциала России, что привело к снижению эффективности вооруженных сил [7, с. 10].

В 1990-х гг. было широко распространено убеждение в необходимости отказаться от собственного сельского хозяйства России, так как оно не было способно обеспечить продовольственную безопасность. Вместо этого была сделана ставка на «фермеризацию» страны. Однако такая политика привела к катастрофическому разрушению отечественного аграрного сектора, подорвала продовольственную безопасность России и вызвала трудовую миграцию [7, с. 10].

С начала 2000-х гг. начались изменения в государственной экономической политике в пользу более активной роли государства. В частности, было заявлено о необходимости национализации некоторых промышленных секторов (в первую очередь, нефтегазовой

сферы), поддержке государственных компаний. Данные меры позволили укрепить государственный контроль над экономикой в целом.

Некоторые эксперты считают, что данные меры в российской политике были вызваны неудачей реформ, которые в конечном итоге привели к нестабильности и экономическому упадку страны. Стоит также отметить, что одной из причин ограничения свободы рынка и усиления государственного контроля стало осознание непосредственного влияния неолиберализма на мировой экономический кризис 2008 г.

Таким образом, на основе сказанного можно сделать вывод, что современная Россия имеет смешанную модель экономики, которая сочетает в себе как элементы неолиберализма, так и элементы государственного контроля. Государство осуществляет контроль в определенных секторах экономики, которые имеют стратегическое значение, в то же время, поддерживая и развивая свободный рынок и конкуренцию. Традиционно особое внимание государство уделяет социальной сфере (бесплатное образование, медицина, пенсии и др.). На конституционном уровне закреплены принципы социального государства: гарантированный минимальный размер оплаты труда, государственная поддержка семьи, инвалидов, пожилых граждан, иные гарантии социальной защиты.

На основании вышеизложенного отметим, что неолиберализм оказал существенное влияние как на развитие отдельных стран, так и на международные отношения в целом. Международные организации, такие как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и Всемирный банк, регулируют международные экономические отношения и придерживаются неолиберальных принципов. Их политика и рекомендации оказывают сильное влияние на государства-члены и формируют международные экономические стандарты. Следует отметить, что неолиберальные принципы не всегда учитывают специфические потребности и интересы разных стран, особенно развивающихся.

На основе анализа практики применения идеологии неолиберализма на примере США, Германии и России, обозначим основные негативные проявления, к которым он привел в современном мире.

1. Усиление социального неравенства – итог неолиберальных реформ в любой стране. За счет свободного рынка и минимального вмешательства государства в экономический сектор происходит неравномерное распределение богатств, что приводит к усилению разрыва между богатым и бедным населением.

2. Нестабильность трудовой рабочей силы, которая вызвана гибкостью рынка труда и отказом от постоянного места работы и социальных гарантий. Рабочие сталкиваются с неприбыльными, временными контрактами и отсутствием социальной защиты. Трудовая

миграция наиболее распространена в западных странах, где выгоднее брать более дешевую рабочую силу за счет приезжих.

3. Нестабильность финансовой системы, провоцируемая свободным рынком, который не подчинён государству. Это приводит к финансовым кризисам и колебаниям в экономической системе. Особую роль в данном процессе также играют неолиберальные политики, которые стимулируют финансовые спекуляции, угрожающие экономической безопасности государства.

4. Ограничение социальных услуг для общества является одним из признаков неолиберальной политики. Неолиберальные реформы стремятся ограничить доступ населению к социальным услугам – здравоохранению, образованию и социальной защите (в ряде стран данные сферы являются платными), что приводит к ухудшению качества жизни населения.

5. Отрицательное влияние на демократические процессы. В ряде стран Запада мы можем наблюдать так называемый кризис лидерства, который появляется из-за сосредоточения экономической власти в руках крупных корпораций и богатых элит.

6. Геополитическое неравенство, связанное с глобализацией и свободным движением капитала, из-за чего основная часть денежных ресурсов сосредотачивается в руках международных компаний и элиты. В мире создается ситуация неравенства между странами, что усиливает геополитическое и военное соперничество.

Несмотря на существенные проблемы, провоцируемые идеологией и практикой неолиберализма (неспособность обеспечить работу социальной сферы, нестабильность социально-экономического пространства, игнорирование национальной специфики и национальных интересов и пр.), неолиберализм продолжает оказывать значительное влияние на развитие отдельных стран, так и на международную обстановку сегодня. Он формирует экономические и торговые отношения между странами, основываясь на принципах свободы торговли, минимального государственного вмешательства и открытости рынков. Однако его последствия и оценки зависят от контекста и требуют постоянного обсуждения и корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буткалюк В. А. Положение и перспективы рабочего класса Украины в условиях современного кризиса неолиберализма // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6. – С. 159–188.
2. Ильин А. Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия // Известия вузов. – 2020. – № 2. – С. 9–20.

3. Капелюшников Р. Приключения «неолиберализма» // Философско-литературный журнал «Логос». – 2022. – № 4 (149). – С. 1–50.
4. Кочегуров Д. А. Неолиберальный глобализм как фактор внутриэкономической трансформации США // Свободная мысль. – 2020. – № 3 (1681). – С. 77–90.
5. Лапина Н. Ю. Российская приватизация: история, динамика, результаты // Приватизация в России и других странах СНГ. – 2003. – № 2003. – С. 13–55.
6. Сербина А. С. Социальная политика правительства Г. Шрёдера: мужество ради перемен // СибСкрипт. – 2013. – № 2 (54). – С. 135–139.
7. Соболева С. А. Идеология неолиберализма в России: последствия и перспективы // Гуманитарный вестник. – 2015. – № 9 (35). – С. 1–15.
8. Щербак С. Гипотеза модернизации и неолиберализм // Социологическое обозрение. – 2018. – № 3. – С. 291–328.
9. Block D. Some thoughts on education and the discourse of global neoliberalism // Language and intercultural communication. – 2018. – No. 5. – pp. 576–584.

БЛОХИН Д. С.

РЕАЛЬНОСТЬ КАК СИМУЛЯКР: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представлен анализ сущности симулякров и того, как симулякры создают свою собственную политическую реальность, по сути конституируя новую гиперреальность. Автор обращает особое внимание на политическую гиперреальность и на то, как симулякры могут использоваться для воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова: имитация, симулякр, блеф, обман, реальность, псевдореальность, гиперреальность.

BLOKHIN D. S.

REALITY AS A SIMULACRUM: POLITICOLOGICAL APPROACH

Abstract. This article provides a brief overview of the essence of simulacra and of how simulacra create their own political reality, in fact constituting a new hyper-reality. The author focuses on political hyper-reality and on how simulacra are used to influence collective consciousness.

Keywords: imitation, simulacrum, bluff, deception, reality, pseudo-reality, hyper-reality.

Современная реальность насыщена имитациями, искусственными образами, копиями, копиями копий, симулякрами, что приводит к искажению, маскировке и утрате действительности. Это дает возможность политическим акторам манипулировать сознанием общественности, потому что «симулякр обладает трансцендирующим характером, т.е. у наблюдающего его возникает полное впечатление, что он есть часть симулякра» [10, с. 31]. Цель данной работы – рассмотреть возможные интерпретации понятия «симулякр» и механизмы искажения реальности, в том числе политической.

«Симулякр» как термин существовал уже в Древней Греции. Первым, кто ввёл понятие в употребление, был Платон. В его понимании симулякр имеет негативную коннотацию и противопоставлен неподвижному и совершенному «миру идей». «Мир вещей» же подвижен, изменчив и способен удаляться от «мира идей», источника всего, порождая вышеупомянутые симулякры, которые являются «копиями копий» истинного бытия. Проблему порождения симулякров философ видел в иступляющемся искусстве, которое предлагал ограничивать для защиты от небытия. Его несли с собой симулякры, которые могли поглотить благие явления этого мира: красоту, истину, добродетель и т. д.

Симулякр в изначальной концепции – отрицательная, искусственная сущность, которая не является реальностью, но и в тоже время не отрицает ее, находится в пограничном

состоянии [11]. В трудах мыслителей постмодернистов понятие «симулякр» применяется в более широком смысле.

В современной философии симулякр как теоретическую конструкцию начал разрабатывать Жиль Делёз. Он, как истинный постмодернист, отказывается от платоновской интерпретации «мира идей», дабы была возможность свободно манипулировать данным термином, что порождает огромные возможности в его использовании. Также стоит упомянуть, что Ж. Делёз делает разграничение «копии» и «симулякра». Копия – это образ, обеспеченный подобием, симулякр же – образ, лишённый подобия.

Исследование феномена симуляции по большей части связаны с именами таких французских философов, как Жорж Батай, Пьер Кlossовский и Александр Кожев. Однако самый известный исследователь симуляции, употребивший «симулякр» в отношении действующей социальной реальности – Жан Бодрийяр. Его определение нынешнего общества весьма неутешительно, так как оно симулятивно или, иначе говоря, представляет собой спектакль симулякров. В современных условиях «гигантский процесс симуляции заполняет все поле коммуникации не реальным, но фантомным содержанием» [9, с. 10].

Ж. Бодрийяр различает симуляцию и симулякр. Симуляция – это тот процесс, который порождает симулякры. Симулякр у Бодрийяра, в отличие от Платона, не скрывает за собой какую-то истину или истинный мир. Бодрийяр указывает следующий эпиграф в своей работе, используя несуществующую цитату Экклезиаста: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет. Симулякр есть истина» [4]. Реальность же определяется как утраченная, а вместо неё наступила «гиперреальность», наполненная симулякрами, которая определяется в виде «порождения при помощи моделей, реального без истока и реальности» [4, с. 34]. Для нынешнего общества важна не реальность, а именно знание о реальности, соотнесение означающего и означаемого ныне не возникает. Означающее теперь существует независимо от означаемого, что есть суть симулякра.

Если говорить о политике, то она тоже определяется как «гиперреальная». Сегодня политики и политические партии уже не отстаивают интересы избирателей, а при помощи симулякров формируют у избирателей спрос. Политика стала специфическим рынком, где предоставляют особые услуги: манифесты, программы, имиджи, бренды и т. д. Но данная проблема не является новейшей. Еще в 1962 году Ю. Хабермас описывал политические кампании в виде определённого рынка, специализирующегося на продаже политических товаров и услуг [7]. Сегодня ситуация не поменялась: граждане по-прежнему не являются подлинным источником власти. Избиратели – это потребители политических продуктов. А что именно избирателям нужно выбирать, формируется с помощью определённых знаков и символов.

П. Бурдые предполагал, что «по причине неравного распределения средств производства того или иного в явном виде сформулированного представления о социальном мире политическая жизнь может быть описана в логике спроса и предложения: политическое поле – это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождаются политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства» [6, с. 181].

На вооружении у политических акторов состоят широкий манипуляционный инструментарий и возможности тотального тиражирования информации через масс-медиа. Но основание этих манипуляций почти всегда одно – это создаваемые в большом количестве симулякры, которые призваны скрывать реальные проблемы или искажать их. Ж. Бодрийяр приводит в качестве примера событие, которое обсуждала вся мировая общественность – война в Персидском заливе (1990–1991 гг.). В собрании из трех эссе «Войны в заливе не было» автор пытался показать, что эта война была не такой, какой ее транслировали. Американские СМИ с помощью симулякров умело искажали и скрывали реальное положение дел, а также жестокость действий армии США в отношении населения Ирака. Так, отмечается, что люди становятся «заложниками медиаугара», который и заставляет всех верить в войну: «все мы стратегические заложники *in situ*: наше место обязательного пребывания – экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке...» [1]. Политика выполнила свою симулятивную роль, а именно создала в умах граждан симулякр, который никак не соотносился с войной в Персидском заливе, т.е. то, что происходило, коренным образом отличалось от того, что транслировалось. СМИ, умело оперируя симулякрами, создавали из них свою реальность (гиперреальность).

Примером симуляции может послужить выступление пятнадцатилетней кувейтской девушки Наира перед Комиссией по правам человека Конгресса США в октябре 1991 года. Она выступала как свидетель жестокости и агрессии иракских солдат, заявив: «Меня зовут Наира, я только что приехала из Кувейта. После вторжения я вызвалась добровольцем в больницу... Пока я была там, я видела, как иракские солдаты вошли в больницу с оружием, вынули младенцев из инкубаторов и оставили их умирать на холодном полу. Иракцы уничтожили всё в Кувейте: они разграбили продуктовые магазины и аптеки, разрушили заводы медикаментов, пытали людей» [5]. Данный пример конституирования гиперреальности регулярно использовало американское правительство для оправдания начала войны в Ираке. Но спустя некоторое время выяснилось, что Наиры, которую знает общественность не существует, она оказалась симулякром. На самом деле она была дочерью

посла Кувейта в США, и на момент своего рассказа уже продолжительное время находилась на территории США.

Отечественный специалист Г. К. Эзри отмечает, что природа симулякра не является постоянной, она погранична; нельзя однозначно сказать, существует ли симулякр или нет, поскольку он присутствует в виде «бывания». То, что сегодня является реальным, завтра может перейти в небытие. Природа существования симулякров по Г. К. Эзри такова: симулякр продукт не реальности, а человека, и из-за этого нельзя сказать, что симулякр есть, т.к. его нет в реальности, но и нельзя говорить об его отсутствии, ведь человек считает, что симулякр существует. Про саму попытку изучения небытия Г. К. Эзри пишет: «когда небытие затмевает бытие познается не реальное положение дел, а искаженный образ реального. Собственно, поэтому Жан Бодрийяр утверждал, что "Войны в Заливе не было"» [15].

Важно отметить тот аспект, что СМИ также стараются производить смыслы, интересные массам, способные загипнотизировать, притянуть и отвлечь их от реальности. Спрос рождает предложение, и масс-медиа, тонко чувствуя потребность людей в зрелищах, пытаются удовлетворить её. Вот иллюстрация этого повседневными наблюдениями. Когда человек встречается с кем-то, кого знает только по телеэкрану, он говорит: «Он выглядит точно так же, как в телевизоре». Реальностью является телевизионная картинка, и точность восприятия данного персонажа сопоставляется с этой реальностью. Если человек выглядит так, как на экране, тогда восприятие реальности правильное [13, с. 26]. Современный человек – раб вещей, которые он создал. Э. Фромм в одной из своих лекций в Дюссельдорфе на конгрессе «Психоанализ и его продолжающееся развитие» ещё в 1961 году замечает данную тенденцию: «человек ... ничто, потому что над ним властвуют вещи и обстоятельства, которые он сам создал... Современного человека контролируют творения его собственных рук» [13, с. 117].

О. Л. Цветкова, специалист в области изучения общества потребления, отмечает, что крупный капитал умело использует симулякры для манипуляции людьми ради прибыли. Общество потребления транслирует мысль, которая красной нитью проходит в нынешнем обществе, рекламе, сериалах, бизнес-тренингах. Если выводить формулу общества потребления, то она выглядит так: то, что ты потребляешь, характеризует тебя как человека, и если ты потребляешь дорогое, то и твоя личность значима. Капитал создаёт навязанные потребности или «наваждения», которые тоже можно обозначить как симулякры, так как эти потребности не соответствуют реальности или абсурдны: «оторваться с Фантой», «запесовать мега-хит», использовать для передвижения крайне неудобный в городских условиях гигантский Хаммер, голосовать за политиков, вызвавших глубочайший кризис, искренне интересоваться тем, какая из «попсух» находится на каком месте в «горячей десятке»

[14, с. 411], а то и «написать черной икрой по капоту белого Мерседеса "Жизнь удалась!"» [14, с. 412]. Автор также отмечает, что «наваждений» всё больше, и способы их удовлетворения пропорционально растут.

Ж. Бодрийяр выделял четыре этапа развития означающего (знака) и его разрыва с означающим (реальностью) [4, с. 12]:

1. Означающее отображает означаемое, или иначе копия реальности. В пример можно привести фотографию цветка.
2. Искажение и подделка означаемого, то есть означающее, которое не до конца соответствует реальности. Примером может послужить товар, изображение на упаковке которого не соответствует реальным характеристикам товара.
3. Подлог означаемого и его полное отсутствие, т.е. симулякр.
4. Заключительный этап развития означающего, где происходит полная утрата связи с означаемым, переход реальности в гиперреальность. Симулякр есть истина.

Также стоит упомянуть механизмы превращения знака в симулякр. Отечественный психолог Р. Гарифуллин выделяет 3 основных механизма [8]:

1. Имитация, повторение и бесконечное воспроизведение с вытекающими искажениями и расхождениями с оригиналом. Механизм похож на бесконечный конвейер завода.
2. Растворение оригинала симулякрами, когда реальность превращается в гиперреальность с помощью добавления симулякров. В качестве примера можно привести войну в Персидском заливе.
3. Разоблачение всех и вся или, иными словами по Ж. Бодрийяру, – «оргия». Он определял её так: «Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребёнка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства» [2].

Таким образом, до сих пор не существует единого мнения, что такое симулякр и когда он появился. Первые упоминания данного явления восходят к Древней Греции, в связи с этим можно сделать вывод, что симулякр – давнее понятие, а в общепринятом понятии симулякр был описан Ж. Делёзом. Симулякр не утрачивает своей актуальности и сегодня, в мире победившего общества потребления и гиперреальностей, которые поддерживаются СМИ, политиками, корпорациями, или, иначе говоря, крупным капиталом. Масс-медиа, транслируя события, искажают реальность или вовсе от неё уходят и одновременно создают спрос на новую реальность (гиперреальность). Политики используют симулякры для «наваждения» электората в своих целях, ведь, если политик не использует симуляцию, то выглядит

невыгодно на фоне симулятивных конкурентов. Корпорации создают товары, не нужные потребителю реально, но манипулирование с помощью симулякров помогает продавать такие вещи, которые в действительности оказываются бесполезными. Реальность почти полностью утратила свою надобность на фоне симулякров и гиперреальности. Однако есть способы бороться с данной действительностью.

Вышеупомянутые мыслители-постмодернисты наиболее полно описали иллюзорные сущности – симулякры и симуляцию. Ж. Бодрийяр видит в «научной рациональности» скопление условностей, но не объективность. Новая рациональность, по его мнению, сможет преодолеть множественность гиперреальностей [3, с. 132]. Полное исчезновение симулякров не видится возможным, так как они являются частью любого общества в разные периоды его развития [12]. Проблема заключается не в том, что симулякры существуют – они существовали всегда, а в том, каких масштабов они достигли. Гиперреальность стала вытеснять реальность. Насыщенность симулякров в нынешнем обществе вызывает опасения за будущее, и если ситуация не изменится, то реальность в привычном понимании может исчезнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obzorineta.ru/articles/voyny-v-zalive-ne-bylo-obzor> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 1. После оргии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3413/3414> (дата обращения: 22.03.2024).
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 390 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Издательский дом Постум, 2015. – 240 с.
5. Бразаускас С. Смена власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lv.imhoclub.com/ru/material/vojna_v_persidskom_zalive (дата обращения: 27.03.2024).
6. Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 125 с.
7. Васечко Е. Н. Юрген Хабермас и его теория коммуникативного действия // Философия права. – 2012. – № 5 (54). – С. 75–78.
8. Гарифуллин Р. Психология политического блефа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/politbluff-0.htm> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Демченко Л. М. Знаково-символические структуры и их роль в исследовании специфики общественной реальности в философии Ж. Бодрийяра // Вестник ОГУ. – 2009. – № 9 (103). – С. 9–17.
10. Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 5. – С. 30–40.

11. Кирюшин А. Н., Асташова А. Н. Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 8. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2012/08/1593> (дата обращения: 15.03.2024).
12. Сиразетдинова, М. Ф. Симулякр как средство манипуляции сознанием // Молодой ученый. – 2015. – № 2 (82). – С. 653–655.
13. Фромм Э. Быть человеком; Концепция человека у Карла Маркса: [сборник] / [пер. с англ. А. Александровой]. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 288 с.
14. Цветкова О. Л. Симулякр как символ культуры общества потребления // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов, Ярославль, 14–16 ноября 2013 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2013. – С. 409–417.
15. Эзри Г. К. Онтология и гносеология симулякра // Материалы 65-й научно-практической конференции преподавателей и студентов: в 3 частях, Благовещенск, 1–2 апреля 2015 года. Часть II. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – С. 69–74.